

Стив Берри
Шифр Джефферсона
Серия «Коттон Малоун», книга 7

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=11953150
Стив Берри. Шифр Джефферсона: Издательство «Э»; Москва; 2015
ISBN 978-5-699-83556-0
Оригинал: SteveBerry, "THE JEFFERSON KEY"
Перевод:
Дмитрий Владимирович Вознякевич

Аннотация

На заре своей бурной истории США приходилось обзаводиться самыми неожиданными союзниками. Мало кто помнит сегодня, какую роль сыграли в Войне за независимость... пираты. Морские разбойники, получившие от Конгресса право называться благородными каперами и безнаказанно грабить врагов державы.

Право, которое за прошедшие века так и не было аннулировано...

Их потомки уже не выходят в море, но жестокий нрав своих предков они унаследовали сполна. В этом убедился отставной суперагент Коттон Малоун, чудом сорвавший покушение на президента США. Начав расследование, он пролил свет на тайную историю Америки – историю войны с пиратами, жертвой в которой пал не один президент...

Содержание

Благодарности	5
Пролог	6
Часть 1	9
Глава 1	9
Глава 2	12
Глава 3	15
Глава 4	18
Глава 5	22
Глава 6	24
Глава 7	26
Глава 8	28
Глава 9	30
Глава 10	32
Глава 11	36
Глава 12	39
Глава 13	41
Глава 14	44
Глава 15	46
Часть 2	49
Глава 16	49
Глава 17	52
Глава 18	55
Глава 19	60
Глава 20	65
Глава 21	67
Конец ознакомительного фрагмента.	69

Стив Берри

Шифр Джефферсона

Конгресс имеет право... выдавать каперские свидетельства и разрешения на репрессалии и устанавливать правила захвата трофеев на суше и на воде...

Конституция Соединенных Штатов. Статья 1, раздел 8

Каперство – питомник для пиратов.

Капитан Чарльз Джонсон (1724 г.)

© Вознякевич Д. В., перевод на русский язык, 2015

© ООО «Издательство «Э», 2015

Благодарности

Джине Чентрелло, Либби Маккуайр, Киму Хови, Синди Мюррей, Кэрол Лоуэнстейн, Куинни Роджерс, Мэтту Шарцу и всем в отделе рекламы и продаж – сердечное искреннее спасибо.

Моему литературному агенту и другу Пэму Эхерну – очередной поклон и глубокая благодарность.

Марку Тавани за настойчивое продвижение.

И Саймону Липскару спасибо за его наставления и мудрость.

Несколько особых упоминаний: поклон замечательной романистке и другу Кэтрин Невилл за открытие дверей в Монтичелло; замечательным людям в Монтичелло, которые мне очень помогли; блестящим профессионалам в Библиотеке Виргинии, которые помогли мне в поисках сведений об Эндрю Джексоне; Мерил Мосс и ее замечательным рекламщикам; Эстер Гарвер и Джессике Джонс, поддерживающим на плаву предприятия Стива Берри; Саймону Гарднеру из отеля «Гранд-Хайат» за очень интересные сведения об отеле и Нью-Йорке; доктору Джо Мюраду, нашему шоферу и экскурсоводу в Бате; Киму Хови, предложившему фотографии бухты Мэхон и замечания о ней; и, как всегда, я бы ничего не добился без Элизабет – жены, матери, друга, редактора и критика. Все в одном лице.

Книга посвящается нашим внукам, Закари и Алексу.

Для них я Папа Стив.

Для меня они особенно любимые.

Пролог

Вашингтон, округ Колумбия

30 января 1835 г.

11.00

Президент Джексон без страха смотрел на пистолет, направленный ему в грудь. Зрелище неожиданное, но все же знакомое человеку, воевавшему едва ли не всю жизнь. Он шел из ротонды Капитолия к восточному портику, погода соответствовала мрачному настроению. Министр финансов Леви Вудбери поддерживал его, как и надежная трость. Зима в этом году была суровой, особенно для сухопарого шестидесятисемилетнего тела – мышцы окоченели, легкие постоянно заполняла мокрота.

Джексон отважился покинуть Белый дом лишь для того, чтобы проститься со старым другом из Южной Каролины – Уорреном Дэвисом, который дважды избирался в Конгресс; первый раз как союзник, джексонский демократ¹, второй – как нуллификатор² (эту партию создал его противник, бывший вице-президент Джон Колдуэлл Кэлхун). Члены партии нуллификаторов искренне считали, что штаты сами решают, каким федеральным законам повиноваться. Эту глупость Джексон называл «дьявольскими кознями». Если бы нуллификаторы добились своего, страна перестала бы существовать – что, как он предполагал, и являлось их целью. К счастью, конституция говорила о едином правительстве, а не о безответственной лиге, где каждый может поступать, как вздумается.

Превыше всего был народ, а не штаты.

Джексон не собирался на похороны, однако накануне решил пойти. Какими бы ни были их политические разногласия, он любил Уоррена Дэвиса, поэтому вытерпел гнетущую проповедь капеллана – *жизнь ненадежна, особенно для старых*, – потом прошел в цепочке людей мимо открытого гроба, негромко произнес молитву и спустился в ротонду.

Толпа зрителей впечатляла.

Взглянуть на него пришли сотни людей. А ему хотелось внимания. В толпе Джексон чувствовал себя отцом, окруженным счастливыми детьми, любящим их как исполненный сознания долга родитель. И гордиться ему было чем. Он только что совершил невозможное – выплатил национальный долг на пятьдесят восьмом году существования республики и шестом году своего президентства. Несколько человек в толпе криком выразили одобрение. Наверху один из министров сказал ему, что зрители терпят холод главным образом ради того, чтобы увидеть Старого Гикори.

Он улыбнулся этому упоминанию своей нестигаемости, но комплимент воспринял с подозрением.

Джексон знал: многие, в том числе и члены его партии, кое-кто из которых лелеет президентские амбиции, беспокоятся, что он может нарушить прецедент и выдвинуть свою кандидатуру на третий срок. Враги, казалось, были повсюду, особенно здесь, в Капитолии, где представители Юга становились все более сильными, а северные законодатели – надменными.

Поддерживать какую-то видимость порядка становилось трудно даже для его сильной руки.

¹ «Джексонская демократия» – движение за предоставление больших прав простому народу; во главе движения стоял президент Эндрю Джексон.

² Сторонник доктрины нуллификации – права штата не признавать на своей территории законов, принятых Конгрессом США.

И хуже того, в последнее время он обнаружил, что теряет интерес к политике. Все крупные сражения, похоже, остались позади.

Еще два года Джексон пробудет на президентской должности, а потом его карьере придет конец. Вот почему он не опровергал возможности третьего срока. По крайней мере, эта перспектива держала в страхе врагов.

Собственно, третий срок ему не был нужен. Он вернется в Нашвилл. В родной штат Теннесси, в любимый Эрмитаж.

Но тут возникла проблема с пистолетом.

Нарядно одетый незнакомец, наводящий одноствольный бронзовый пистолет, появился из толпы зрителей. Лицо его было скрыто густой черной бородой. В качестве генерала Джексон одерживал победы над британскими, испанскими, индейскими войсками. В качестве дуэлянта однажды убил противника во имя чести. Он не боялся никого. И уж разумеется, не этого дурака, бледные губы которого дрожали, как и рука, державшая оружие.

Молодой человек нажал на спуск.

Курок щелкнул.

Капсюль взорвался.

Звук взрыва отразился от каменных стен ротонды. Но искры, чтобы воспламенить порох в стволе, не было.

Осечка.

Стрелок казался потрясенным.

Джексон понял, что случилось. Холодный, сырой воздух. Президенту не раз приходилось сражаться в дождь, и он знал, как важно держать порох сухим.

Его охватил гнев.

Он сжал трость обеими руками, словно копье, и бросился на противника.

Молодой человек отбросил оружие.

Появился второй бронзовый пистолет, дуло его находилось всего в нескольких дюймах от груди Джексона.

Стрелок нажал на спуск.

Снова взрыв капсюля без искры.

Вторая осечка.

Не успел Джексон ударить противника тростью в живот, как Вудбери схватил его за одну руку, а военно-морской министр за другую. Какой-то человек в форме бросился на стрелка, следом за ним и несколько членов Конгресса. Одним из них оказался Дэви Крокетт из Теннесси.

– Пустите меня, – выкрикнул Джексон. – Пустите к нему! Я знаю, откуда он!

Но державшие не ослабили хватки.

Руки неудачливого стрелка замелькали над морем голов, потом его повалили на землю.

– Пустите меня, – снова сказал Джексон. – Я способен за себя постоять.

Появились полицейские, и этого человека рывком подняли на ноги. Крокетт передал его стражам порядка и объявил:

– Я давно хотел увидеть самую мерзкую на свете тварь, и вот, теперь увидел.

Арестованный замямлил, что он король Англии и со смертью Джексона денег у него станет больше.

– Нам нужно идти, – прошептал Джексону Вудбери. – Этот человек явно сумасшедший. Джексон не хотел слышать подобные объяснения.

– Никакого сумасшествия. Существовал заговор, и этот человек был орудием.

– Пойдемте, сэр, – сказал министр финансов, выводя президента в туманное утро к ждущему экипажу.

Джексон подчинился.

Но его разум бурлил.

Он был согласен с Ричардом Уайльдом, конгрессменом из Джорджии, который однажды сказал ему: «У молвы сотня языков, и она разносит еще больше слухов». Джексон на это надеялся. Он без тени страха стоял лицом к лицу с убийцей. Его не удержали даже два пистолета. Все присутствующие засвидетельствуют смелость президента.

И, слава богу, провидение оберегало его.

Поистине он казался избранным судьбой возвысить славу этой страны и отстаивать дело народа.

Джексон влез в экипаж. Вудбери последовал за ним, и лошади тронулись. Он больше не ощущал ни холода, ни старости, ни усталости. Сила бурлила в нем. Как в прошлый раз, два года назад. Во время паровой экскурсии во Фредериксберг. Бывший морской офицер, которого он уволил, разбил ему лицо, совершив первое нападение на американского президента. Джексон отказался выдвигать обвинение и отверг рекомендацию помощников, чтобы его все время окружала вооруженная охрана. Пресса уже именovala его королем, а Белый дом – королевским двором. Он не захотел лить воду на эту мельницу.

Теперь кто-то всерьез пытался убить его.

Тоже первый случай с американским президентом.

Политическое убийство.

Еще одно деяние, подумал он, характерное для Европы и Древнего Рима. Обычно оно направлялось против деспотов, монархов, аристократов... Но не народных избранников.

Джексон сверкнул глазами на Вудбери.

– Я знаю, кто это устроил. У них нет мужества, чтобы встретиться со мной лицом к лицу. И они подсылают сумасшедшего выполнить их приказание.

– Кого вы имеете в виду?

– Изменников, – одним словом ответил президент.

И расплата будет жестокой.

Часть 1

Глава 1

Нью-Йорк

Суббота, 8 сентября, настоящее время

18.13

Коттону Малоуну было мало одной ошибки.

Он сделал две.

Первой оказалось пребывание на пятнадцатом этаже отеля «Гранд-Хайат». Это требование поступило от его прежней начальницы Стефани Нелл по электронной почте два дня назад. Ей нужно было видеть его в субботу в Нью-Йорке. Очевидно, задачу они могли обсудить только лично. И, судя по всему, она была важной. Он все-таки попытался дозвониться ей в главное управление «Магеллана» в Атланте, но ее помощница сказала:

– Она уже шестой день не появляется в кабинете, находится на НК.

НК. Никаких контактов.

Это означало – не звони, я сама тебе позвоню.

Он уже бывал в таком положении – оперативник, решающий, когда лучше всего явиться. Однако статус был слегка необычным для главы «Магеллана». Стефани отвечала за все двенадцать тайных операций. Ее задачей было руководить. Пребывание в режиме НК означало, что ее внимание привлекло что-то необычное.

Коттон и Кассиопея Витт решили поужинать и отправиться в театр после того, как он узнает, что нужно Стефани. Они прилетели накануне из Копенгагена и остановились в отеле «Сент-Реджис», в нескольких кварталах к северу от того места, где он теперь стоял. Кассиопея выбрала номер, и, поскольку сама же его и оплатила, Коттон не стал возражать. К тому же трудно было бы протестовать против королевской атмосферы, захватывающих видов и номера, более просторного, чем его квартира в Копенгагене.

Малоун ответил на электронную почту Стефани, сообщил, где остановился. Утром после завтрака карточка-ключ отеля «Гранд-Хайат» ждала его у портье «Сент-Реджиса» с запиской:

ПОЖАЛУЙСТА, БУДЬ У МЕНЯ РОВНО В 6.15.

Он удивился слову «ровно», но сообразил, что бывшая начальница страдает неизлечимым навязчивым неврозом, что делает ее хорошим администратором и раздражающей личностью. К тому же он понимал, что она не связалась бы с ним, не будь это очень важно.

Он вставил карточку-ключ в замок, не обратив внимания на табличку «Не беспокоить».

Вспыхнул зеленый индикаторный огонек электронного замка, и запор открылся.

Номер оказался просторным, с очень широкой кроватью, покрытой красными плюшевыми подушками. На рабочем месте стоял дубовый стол с удобным креслом. Два окна выходили на Восточную Сорок вторую улицу, третье – на запад, в сторону Пятой авеню. Обстановка была именно такой, какую можно ожидать в отеле высокого класса в центре Манхэттена.

За исключением двух вещей.

Взгляд его остановился на устройстве, будто сделанном из алюминиевых распорок, свинченных, словно детали детского конструктора. Оно стояло перед одним из передних окон, слева от кровати. Наверху на крепком металлическом основании стоял прямоугольный

ящик размером около двух футов на три, тоже из тусклого алюминия; его привинченные боковые стенки смотрели на окно. Другие распорки тянулись к стенам, передней и задней, одна стояла на полу, еще одна – двумя футами выше, по всей видимости, удерживая устройство на месте.

Это имела в виду Стефани, говоря *важно*?

Из ящика торчал короткий ствол. Казалось, заглянуть внутрь его можно, только отвинтив боковые стенки. Коробку и раму украшал набор шестерен. Вдоль опор тянулись цепи, словно вся эта штука должна была двигаться.

Он потянулся ко второй аномалии.

К конверту. Запечатанному. С его именем.

Малоун взглянул на свои часы. 6.17.

Где Стефани?

Снаружи донесся пронзительный вой сирен.

Держа конверт в руке, он подошел к одному из окон и посмотрел вниз. На Восточной Сорок второй улице машин не было. Потоки движения направлялись в объезд. Когда он только приехал, то заметил снаружи полицейских.

Что-то происходило.

Малоун знал репутацию ресторана «Чиприани» на другой стороне улицы. Он бывал внутри и теперь вспомнил его мраморные колонны, инкрустированные полы и хрустальные люстры – бывший банк, построенный в стиле итальянского Возрождения, сдавался для элитных собраний. Очевидно, этим вечером происходило событие, достаточно важное, чтобы перекрыть уличное движение, очистить тротуары и потребовать присутствия шести лучших нью-йоркских полицейских, стоявших у изящного входа.

С запада приближались две полицейские машины с включенными проблесковыми маяками, за ними следовал большой черный «Кадиллак». Еще одна полицейская машина двигалась позади. По бокам капота «Кадиллака» возвышались два флажка. Один представлял собой американский флаг, другой – президентский штандарт.

В этой машине ездил только один человек.

Президент Дэнни Дэниелс.

Автомобильный кортеж подъехал к бровке перед «Чиприани». Дверцы распахнулись. Из машины выскочили трое агентов секретной службы, оглядели окрестности и подали сигнал. Появился Дэнни Дэниелс, высокий, плечистый, одетый в темный костюм с белой рубашкой и зеленовато-голубой галстук.

Малоун услышал жужжание.

Нашел взглядом его источник.

Устройство начало действовать.

Раздалось два взрыва, и окна в другой стороне разбились, стекла полетели на тротуар далеко внизу. В комнату ворвался холодный воздух и звуки пульсирующего города. Шестерни завертелись, и устройство высунулось в пустую оконную раму.

Он посмотрел вниз.

Разбитое окно привлекло внимание секретной службы. Головы агентов были запрокинуты к «Гранд-Хайату».

Все произошло за несколько секунд.

Окно разбилось. Устройство высунулось. Затем...

Rat-tat-tat.

Стрельба велась по президенту Соединенных Штатов.

Агенты уложили Дэниелса на тротуар.

Малоун сунул конверт в карман, побежал к устройству, схватил алюминиевый каркас и попытался его оттащить.

Но устройство не двигалось с места.

Он стал искать электропровода и не нашел. Очевидно, эта штука управлялась на расстоянии. Мощное оружие продолжало стрелять. Малоун видел, как агенты стараются затолкать своего подопечного обратно в машину. Он знал, что, когда Дэниелс окажется там, броневая плита обеспечит защиту.

Устройство продолжало стрелять.

Малоун бросился к окну, вскочил на раму и ухватил алюминиевый ящик. Если б он смог двигать его из стороны в сторону или вверх-вниз, то, по крайней мере, отвел бы от цели.

Ему удалось сдвинуть ствол влево, но мотор внутри быстро вернул его обратно.

Внизу, пока ствол был отвернут в сторону, агенты затолкали Дэниелса в машину, и та поехала прочь. Трое агентов остались с полицейскими, ждавшими у входа в ресторан.

Пистолеты были уже у них в руках.

Теперь его вторая ошибка стала очевидной.

Агенты начали стрелять.

По нему.

Глава 2

*У побережья Северной Каролины.
18.25*

Квентин Хейл не мог представить себе почти ничего лучше, чем нестись под высокими парусами по волнам с белопенным гребнем. Если бы морская вода, как говорится в пословице, могла быть у человека в крови, то он определенно был тем самым человеком.

Шлюпы служили в семнадцатом-восемнадцатом веках океанскими рабочими лошадками. Маленькие, одномачтовые, двухпарусные, они были быстрыми и маневренными. Малая осадка и плавные обводы способствовали их широкому использованию. На борту большинства находилось семьдесят пять человек и четырнадцать пушек. Этот современный вариант шлюпа был больше, длиной двести восемьдесят футов, не деревянный, а построенный из современных сложных материалов, что делало его легким и гладким. Красоты его не портила ни одна пушка. Он был приятным для глаз, утешительным для души – морским судном, построенным для отдыха и заполненным развлечениями. В роскошных каютах шлюпа могли разместиться двенадцать гостей, команда его состояла из шестнадцати человек, большей частью потомков тех, кто служил Хейлам со времен Войны за независимость.

– Почему ты это делаешь? – закричала его жертва. – Квентин, почему?

Хейл в упор посмотрел на человека, лежащего на палубе, закованного в толстые цепи и заключенного в орудие казни – клетку из железных полос шириной в три дюйма. Округлая часть охватывала голову и грудь, бедра и ноги находились в отдельных карманах. В прошлые века такие клетки плотно облегали жертву, но эта была более современной. Двигаться у человека могли только голова и челюсть, и ему специально не стали затыкать рот.

– Ты в своем уме? – крикнул этот человек. – То, что ты делаешь – тяжкое убийство первой степени!

Хейл возмутился.

– Убить предателя – не преступление.

Закованный в цепи человек, как отец и дед до него, вел грессбух семейства Хейлов. Будучи бухгалтером, он жил в роскошном имении на виргинском побережье. Корпорация «Хейл энтерпрайзис лимитед» охватывала весь земной шар и требовала внимания почти трехсот служащих. Многие бухгалтеры находились в корпоративном списке, но этот человек работал отдельно от всей бюрократии и нес ответственность только перед Хейлом.

– Клянусь тебе, Квентин, – выкрикнул этот человек, – я выдал им только минимум сведений.

– От того, правда ли это, зависит твоя жизнь.

Хейл произнес эти слова так, чтобы в них прозвучала надежда. Он хотел, чтобы этот человек говорил. Он должен был удостовериться.

– Они пришли с повесткой о явке в суд. Они уже знали ответы на свои вопросы. Сказали, что, если не буду сотрудничать с ними, я окажусь в тюрьме и лишусь всего, что имею.

Бухгалтер заплакал.

Снова.

«Они» были из Налогового управления. Агенты налоговой полиции, налетевшие однажды утром на «Хейл энтерпрайзис». Кроме того, они появились в восьми банках в разных частях страны. Ничего удивительного. Тайну вкладов гарантируют слишком мало законов. Вот почему эти банковские счета подкреплялись тщательно составленными бумагами. Не так обстоят дела в зарубежных банках, особенно в швейцарских, где тайна вкладов давно стала навязчивой национальной идеей.

– Они знали о счетах в Объединенном швейцарском банке! – кричал бухгалтер, перекрывая шум ветра и моря. – Я обсуждал с ними только их. И только. Клянусь! Только эти.

Хейл, стоя у поручня, смотрел на бурное море. Его жертва лежала на корме, возле джакузи и глубокого бассейна, которых было не разглядеть с проплывающих мимо лодок, хотя они плавали почти все утро и пока что не встретили ни одной.

– Что мне было делать? – взмолился его бухгалтер. – Банк раскололся.

Объединенный швейцарский банк действительно поддался американскому давлению и впервые допустил, чтобы пятьдесят с лишним тысяч счетов стали поводом для вызовов в суд. Разумеется, угрозы уголовного преследования американцам – служащим банка сделали это решение легким. И то, что говорил бухгалтер, было правдой. Он проверял. Была взята документация только швейцарского банка. Счета в семи других странах оставались нетронутыми.

– У меня не было выбора. Ради Бога, Квентин, чего ты хотел от меня?

– Чтобы ты соблюдал Статьи Соглашения.

Всех, от команды шлюпа, слуг в доме, смотрителей имения и до него самого, эти Статьи связывали воедино.

– Ты принес клятву и дал слово! – прокричал Хейл от поручня. – Ты их подписал.

Это должно было гарантировать верность. Однако иногда случались нарушения, и с ними разбирались. Как сегодня.

Хейл снова посмотрел на сине-серую воду. «Эдвенчер» поймал сильный юго-западный ветер. Они находились в пятидесяти милях от берега и шли на юг, оставляя Виргинию позади. Система управления парусами работала превосходно. Пятнадцать прямых парусов создавали современную версию парусного вооружения, разница заключалась в том, что теперь реи не вращались вокруг неподвижной мачты. Они были закреплены, а мачты вращались от ветра. Членам команды не требовалось подниматься на них и убирать паруса. По новой технологии паруса находились внутри мачты, электромотор распускал их меньше чем за шесть минут. Компьютеры контролировали угол поворота, и паруса были всегда наполнены ветром.

Хейл наслаждался соленым, прочищавшим мозги бризом.

– Скажи мне вот что, – крикнул он.

– Квентин, все, что угодно. Только выпусти меня из этой клетки.

– Гроссбух. Вы говорили о нем?

Бухгалтер покачал головой.

– Ни слова. Они ухватились за документацию швейцарского банка, о гроссбухе даже не заикались.

– Он в безопасности?

– Там, где мы его храним. Постоянно. Только ты и я. Кроме нас, никто не знает этого.

Хейл поверил ему. Пока что о гроссбухе не упоминалось, и это уменьшало его беспокойство.

Но не совсем.

Бури, которые ему предстояло встретить, будут куда хуже, чем надвигающийся с запада шквал. На него обрушится вся сила разведывательных органов США вкупе с Налоговым управлением и Министерством юстиции. С чем-то похожим сталкивались его предки, когда короли, королевы и президенты отправляли целые флотилии с заданием выследить шлюпы и повесить их капитанов.

Он снова повернулся к несчастному в железной клетке и подошел ближе.

– Пожалуйста, Квентин. Умоляю тебя. Не делай этого. – Голос прерывался всхлипами. – Я никогда не расспрашивал тебя о делах. Никогда не интересовался ими. Я только вел гроссбух. Как мой отец. И его отец. Я не украл ни единого цента. Мы никогда не крали.

Да, это было правдой.

Но шестая Статья недвусмысленно гласила:

Тот, кто причинит вред Компании в целом, будет расстрелян.

Никогда еще Содружество не сталкивалось ни с чем, столь угрожающим. Только бы найти ключ к шифру. Тогда бы все успокоилось и то, что он собирался сделать, стало бы ненужным. К сожалению, долг капитана иногда велит отдавать неприятные приказания.

Он сделал жест, трое матросов подняли клетку и понесли к поручню.

Связанный закричал:

– Не надо, пожалуйста. Я думал, что знаю тебя. Думал, мы друзья. Почему ты поступаешь, будто треклятый пират?

Трое матросов заколебались, ожидая его сигнала.

Хейл кивнул.

Клетку бросили за борт, и море поглотило жертву.

Матросы вернулись на свои посты.

Он стоял на палубе в одиночестве, подставляя ветру лицо, и думал о последнем оскорблении этого человека.

Будто треклятый пират.

Морские чудовища, изверги, грабители, флибустьеры, корсары, разбойники, нарушители всех человеческих и божьих законов, воплощенные дьяволы, отродья сатаны.

Всеми этими прозвищами награждали пиратов.

Принадлежит ли он к ним?

– Если так обо мне думают, – прошептал Хейл, – то почему бы нет?

Глава 3

Нью-Йорк

Джонатан Уайетт наблюдал за происходящей сценой. Он сидел за приоконным столиком в ресторане «Гранд-Хайата», в застекленном зале, откуда открывался беспрепятственный вид на Восточную Сорок вторую улицу, лежавшую двумя этажами ниже. Он уловил минуту, когда уличное движение было перекрыто, тротуары очищены, а президентский кортеж подъехал к «Чиприано». Услышал взрыв, потом грохот стекла о тротуар. Когда раздались выстрелы, понял, что устройство заработало.

Он старательно выбрал этот столик и заметил, что двое мужчин поблизости повели себя так же. Агенты секретной службы, они заняли этот дальний конец ресторана, чтобы вид из окна на сцену внизу оказался беспрепятственным. У обоих были рации, и обслуживающий персонал намеренно не сажал никого вблизи от них.

Уайетт знал программу их действий.

Президентская охрана полагалась на контролируемый периметр, обычно трехъярусный, начиная с контрснайперов на соседних крышах и заканчивая агентами, стоящими в нескольких футах от своего подопечного. Появление президента в таком многолюдном городе, как Нью-Йорк, предполагало необычно сложные задачи. Повсюду здания с множеством окон и с открытыми крышами. «Гранд-Хайат» являл собой превосходный образец. Двадцать с лишним этажей и две башни со стеклянными стенами.

Внизу на улице агенты среагировали на выстрелы, бросились к Дэнни Дэниелсу, применяя другую проверенную временем тактику – «прикрыть и эвакуировать». Разумеется, автоматическое оружие располагалось достаточно высоко, чтобы обстреливать любые машины, и Уайетт смотрел, как полицейские и оставшиеся агенты метались туда-сюда, пытаясь избежать пуль.

Ранен ли Дэниелс? Трудно сказать.

Уайетт наблюдал, как двое агентов, стоявших в пятидесяти футах, реагируют на происходящее, выполняют свою работу, действуют как глаза и уши, явно раздосадованные, что находятся так далеко. Он знал, что у людей на улице имеются рации с ушным вкладышем. Все они обучены. Только действительность редко похожа на сценарии, которые разыгрывают в учебных центрах. Вот превосходный пример. Автоматическое оружие с дистанционным управлением, наводимое кабельным телевизором? Можно держать пари, что они не видели такого.

Еще тридцать посетителей заполнили ресторан, внимание всех было обращено на улицу.

Стрельба со здания продолжалась.

Президента затолкали обратно в лимузин.

«Кадиллак номер один» – или «Зверь», как называла его секретная служба, – покрывала броня толщиной пять дюймов, и двигался он на полностью спущенных шинах. Изобретательность компании «Дженерал моторс» обошлась в триста тысяч долларов. Уайетт знал, что после убийства в Далласе в 1963 году машину всякий раз доставляли по воздуху туда, где президенту требовался наземный транспорт. Эту доставили в аэропорт имени Кеннеди военным самолетом, и он ждал на бетонке, когда приземлится «ВВС-1». Обычно приезжали несколько машин для сопровождения.

Уайетт бросил взгляд на двух беспокоящих агентов, остававшихся на своей позиции.

«Не беспокойтесь, – подумал он. – Скоро и вам придется действовать».

Уайетт перенес внимание снова на свой обед, восхитительный салат Кобб. Желудок заурчал в предвкушении. Он долго ждал этого. *Разбей лагерь на берегу реки*. Этот совет Уайетт получил несколько лет назад – и он оказался верным. Если ждать и ждать у реки, то в конце концов по ней проплывет труп твоего врага.

Он с наслаждением съел еще немного острого салата и запил его сладким красным вином, ощущая приятное послевкусие. Подумал, что следует выказать какой-то интерес к тому, что происходит, но никто не обращал на него ни малейшего внимания. Да и с какой стати? Президент Соединенных Штатов находился под огнем, окружающие его люди наблюдали за этим с близкого расстояния. Кое-кто вскоре окажется в передаче Си-эн-эн или «Фокс ньюс», станет на несколько драгоценных минут знаменитостью. Им следовало бы поблагодарить его за такую возможность.

Раздались голоса двух агентов.

Уайетт выглянул в окно. «Кадиллак номер один» с ревом отъезжал от бровки.

Защитники перед «Чиприани» подскочили на ноги и стали указывать вверх, в сторону «Гранд-Хайата».

Появились пистолеты.

Прицел был взят.

Раздались выстрелы.

Он улыбнулся.

Коттон Малоун, очевидно, повел себя именно так, как предполагал Уайетт.

Жаль, что положение Малоуна вот-вот ухудшится.

* * *

Малоун слышал, как пули с резким звуком отскакивают от стеклянных панелей слева и справа от него. Алюминиевый мустанг, которого он оседлал, продолжал стрелять. Он еще раз дернул устройство в сторону, но шестерни внутри опять повернули ствол к цели.

Нужно отступить внутрь.

Дэниелс уже находился в машине, та вот-вот должна была уехать. Кричать казалось бессмысленно. Никто не услышит его из-за стрельбы и неблагозвучного завывания нью-йоркской уличной оперы.

Разбилось еще одно окно на противоположном углу «Гранд-Хайата», футах в ста от того места, где он сидел.

Еще один алюминиевый ящик выдвинулся наружу.

Малоун сразу же заметил, что ствол его шире, чем тот, который он пытался покорить. Не винтовочный. Это какой-то миномет или ракетная пусковая установка.

Стрелявшие агенты и полицейские заметили новую угрозу и перенесли внимание на нее. Малоун сразу понял, что те, кто установил эти устройства, рассчитывали, что Дэниелса усадят в машину и повезут. Он подумал о точности огня автоматической винтовки с дистанционным управлением – насколько высокой она может быть? – но теперь понял, что меткость была неважна. Идея заключалась в том, чтобы отправить объект в более легкую мишень.

Например, в большой черный «Кадиллак».

Малоун знал, что президентский лимузин бронирован. Но сможет ли он выдержать ракетную атаку с расстояния в несколько сотен футов? И какой боеголовкой снабжена ракета?

Агенты и полицейские бежали по тротуару, стараясь найти лучший угол для прицеливания в новую угрозу.

Лимузин Дэниелса приближался к перекрестку Восточной Сорок второй улицы и Лексингтон-авеню.

Пусковая установка поворачивалась.

Необходимо было что-то сделать.

Автоматическая винтовка, на которой он сидел, продолжала стрелять с интервалом в пять секунд. Пули со стуком ударялись о здания напротив и об улицу внизу. Передвинувшись вперед по алюминиевому устройству, Малоун обхватил рукой ящик и повернул устройство влево. Шестерни внутри заработали, потом заскрежетали, когда он повернул ствол параллельно стене отеля.

Теперь пули летели со свистом в направлении пусковой установки.

Малоун регулировал прицел, ища нужную траекторию.

Одна пуля попала в цель и отскочила от алюминия.

Аллюминиевый ящик, который он держал, казался весьма непрочным. Малоун надеялся, что и другое устройство сделано из того же материала.

Еще две высокоскоростные пули попали в цель.

Третья пробила ящик.

Полетели голубые искры.

Когда ракета покинула пусковую установку, вырвалось пламя.

* * *

Уайетт доедал салат, когда «Кадиллак номер один» мчался к перекрестку. Услышал, как разбилось второе окно. Люди внизу побежали по тротуару и теперь стреляли вверх. Но от «Зиг-зауэров П229» агентов секретной службы проку будет мало. Автоматы, которые обычно находились в машинах сопровождения, были оставлены в Вашингтоне. Как и снайперы.

Ошибки, ошибки.

Уайетт услышал взрыв.

Вылетела ракета.

Он вытер рот салфеткой и посмотрел вниз. Машина Дэниелса оставила перекресток позади и понеслась к зданию ООН и Ист-Ривер. Возможно, она свернет на Рузвельт-райв и поедет к больнице или к аэропорту. Уайетт вспомнил, как в прошлом особый поезд метро задерживали на пути специального назначения возле отеля «Уолдорф-Астория», готовясь без промедления увезти с Манхэттена президента.

Теперь уже этого нет.

Бессмысленно.

Двое агентов выбежали из ресторана, направляясь к лестнице, ведущей к главному входу отеля.

Уайетт положил салфетку и встал.

Вся обслуга, старшая официантка, даже кухонные работники столпилась у окон. Вряд ли кто-то принесет счет. Уайетт вспомнил цену салата, стоимость вина, добавил тридцать процентов чаевых – он гордился своей щедростью – и положил на столик пятидесятидолларовую купюру. Слишком много, пожалуй, но ждать сдачу было некогда.

Ракета не нашла цель, а вторая и третья не вылетели.

Очевидно, герой сделал свое дело.

Пришло время наблюдать, как удача изменяет Малоуну.

Глава 4

Клиффорд Нокс выключил радиосвязь и закрыл портативный компьютер. Пусковая установка сработала всего раз, и ракета не нашла президентского лимузина. Замкнутая телевизионная система – камеры были установлены в обоих устройствах – показывала дерганные изображения, перемещающиеся то вправо, то влево. Ноксу то и дело приходилось направлять винтовку вниз, эта штука не слушалась его команд. Он приказал модифицировать ракетное топливо и взрывчатку для гарантии, что три боеголовки уничтожат тяжело бронированную машину.

Утром все было в рабочем порядке.

Так что же случилось?

Яркое изображение на телеэкране в другом конце гостиничного номера объяснило эту неудачу.

Кадры и сцены, сделанные на улице сотовыми телефонами, уже были отправлены электронной почтой в телецентры. На них был виден человек, высывающийся из разбитого окна в отеле «Гранд-Хайат» высоко над Восточной Сорок второй улицей. Он оседлал металлическое сооружение, дергал его то в одну сторону, то в другую, пока наконец не направил ружейный огонь на ракетную пусковую установку и уничтожил ее электронику, едва механизм сработал.

Нокс подал сигнал запуска. Должны были вылететь три ракеты, одна за другой. Но появилась только одна и улетела в южную сторону.

Зазвонил городской телефон.

Нокс ответил, и на другом конце провода раздался сиплый голос:

– Это катастрофа.

Он продолжал смотреть на телеэкран. Там появились кадры с двумя устройствами, выступающими наружу из темных прямоугольников в застекленном фасаде отеля. Бегущая строка в нижней части экрана сообщала зрителям, что пока нет никаких сведений о состоянии президента.

– Кто этот человек, который вмешался? – раздался в трубке новый голос.

Нокс вообразил себе сцену на другом конце линии. Трое мужчин пятидесяти с небольшим лет, небрежно одетые, теснятся в шикарной каюте у микрофона с громкоговорителем.

Содружество.

Без одного члена.

– Не представляю, – ответил он. – Само собой, я не ожидал никакого вмешательства.

В человеке на видео можно было разглядеть, что он белый, с рыжеватыми волосами, одет в темный пиджак и светлые брюки. Из-за низкой четкости изображения камер сотовых телефонов и постоянного движения линз увидеть его лицо было нельзя. Бегущая строка на экране сообщала зрителям, что этот человек появился, что в него стреляли, что он навел одно оружие на другое и скрылся внутри.

– Как мог кто-то узнать об этом? – прозвучал в трубке вопрос. – Тем более оказаться в состоянии помешать?

– У нас явно утечка сведений.

Молчание на другом конце провода подтверждало, что те люди согласны.

– Квартирмейстер, – сказал один из троих, назвав Нокса его официальным званием, – этой операцией руководил ты. Ее провал – твоя вина.

Он понимал это.

Как в давние времена капитан корабля, квартирмейстер избирался членами команды, и на него возлагалась обязанность охранять интересы компании. Капитан сохранял полную

власть во время любого конфликта, но повседневной жизнью корабля руководил квартирмейстер. Он отпускал продовольствие, распределял добычу, рассматривал споры и карал за нарушения дисциплины. Капитан мало что мог предпринять без одобрения квартирмейстера. Эта система сохранялась и по сей день, притом что Содружеством руководили *четыре* капитана. Нокс подчинялся им, всем вместе и каждому в отдельности. Он также надзирал за командой, за теми, кто работал непосредственно на Содружество.

– Среди нас явно есть шпион, – повторил он.

– Понимаешь, что теперь произойдет? Последствия будут катастрофическими.

Нокс шумно втянул воздух.

– Хуже всего то, что капитан Хейл не принимал участия в вашем решении.

Это его замечание нарушением субординации не сочтут. Хороший квартирмейстер откровенно высказывался без опаски, так как власть получал от команды, не от капитана. Неделю назад он предупреждал их, что этот план опрометчивый. Не сдержался и сказал, что, по его мнению, он граничит с безрассудством. Но когда трое из четырех капитанов отдавали приказ, он был должен повиноваться.

– Твои возражения и советы были приняты к сведению, – сказал один из них. – Мы приняли это решение.

Однако этого может оказаться недостаточно, когда Квентин Хейл поймет, что сделали остальные. Содружество ранее шло этим курсом, но сравнительно недолго. Отец Нокса был последним квартирмейстером, который попытался противостоять капитанам и преуспел. Но то было другое время, с другими правилами.

– Может, сообщить капитану Хейлу, – посоветовал он.

– Будто он уже не знает, – сказал один из троих. – Скоро он с нами свяжется. А пока – что ты собираешься делать?

Нокс обдумывал этот ход. Никто не мог проследить механизмы, находившиеся в двух номерах отеля. Их изготовили втайне члены команды, каждую часть по отдельности. На тот случай, если механизмы обнаружат, были приняты предосторожности. Два номера в отеле «Гранд-Хайат» были зарегистрированы на вымышленных людей – членов команды, которые появились с измененной внешностью перед портье и расплатились кредитными карточками, оформленными на несуществующих лиц. В чемоданах лежали разрозненные детали, и он лично всю ночь собирал эти устройства. Табличка «НЕ БЕСПОКОИТЬ» на двери гарантировала уединение на весь день. Он контролировал обе установки отсюда – находясь в нескольких кварталах – по радио, и теперь сигнализация была отделена.

Все было тщательно выполнено.

В прошлые столетия квартирмейстерам иногда разрешалось брать штурвал, вести корабль по курсу. Содружество только что дало ему этот штурвал.

– Я разберусь.

* * *

Малоун ломал голову над решением. Он заметил агентов, шедших к главному входу «Гранд-Хайата». Секретная служба действует тщательно, а значит, скорее всего, в отеле уже есть агенты, и они наблюдают за улицей внизу. Этим наверняка приказали по радиации направиться в оба номера. Уйти? Или ждать их?

Потом он вспомнил о конверте в кармане.

Вскрыл его и увидел отпечатанную записку.

«Нужно было, чтобы ты увидел эти установки. Обезвредь их до появления президента. Раньше сделать это было нельзя. Почему – объясню

позднее. Не доверяй никому, особенно секретной службе. Этот заговор широко разветвлен. Уходи из отеля, и я до полуночи свяжусь с тобой по телефону.

Стефани».

Решение принято.

Пора уходить.

Очевидно, Стефани занималась чем-то значительным. Ему следует, по крайней мере, выполнять ее указания.

Пока что.

Малоун осознал, что в сотовых телефонах есть фотокамеры и тротуары внизу были заполнены людьми. Его изображение скоро появится на всех телеэкранах. Он был на виду всего пару минут и надеялся, что снимки получились не лучшего качества.

Он открыл дверь, не беспокоясь о том, что оставляет улики. Отпечатки его пальцев усеивали всю торчавшую из окна установку.

Он спокойно двинулся по безлюдному коридору к лифтам. Застарелый запах табачного дыма напомнил, что этот этаж предназначен для курящих. Из дверей по обе стороны коридора никто не выходил.

Он повернул за угол.

Отель обслуживали десять лифтов. Ничто не указывало, где сейчас находятся их кабины. Малоун решил, что вызывать их не стоит. Посмотрел влево, потом вправо и увидел выход на лестницу.

Он открыл металлическую дверь, прислушался, ничего не услышал и выскользнул в проем.

Он поднялся на два этажа и задержался на семнадцатом. Все спокойно. Вошел в другой лифтовый холл, почти неотличимый от того, что двумя этажами ниже. Такой же стол с цветочной композицией и зеркалом украшал стену.

Малоун посмотрел на свое отражение.

Так что же произошло?

Кто-то только что пытался убить президента Соединенных Штатов, и Малоун сейчас оказался человеком, вызывающим наибольший интерес.

Он снял пиджак, под которым была надета застегивающаяся донизу светло-голубая рубашка. Искать будут светловолосого мужчину в темном пиджаке. Увидел заполненную искусственными цветами урну между дверцами лифтов и затолкал пиджак в нее.

Слева по коридору приближалась семья. Мама, папа, трое детей. Они выглядели возбужденными, разговаривали о Таймс-сквер и одной из ее неоновых реклам. Папа нажал кнопку «вверх», вызывая кабину лифта. Малоун терпеливо стоял с ними, ожидая ее прихода. Эти люди как-то прозевали все, что происходило. Казалось бы, трудно не обратить внимания на запуск ракеты, оставляющей за собой дымный след. Туристы всегда вызывали у него недоумение. Они ежедневно толпились на площади Хойбро в Копенгагене, где находился его книжный магазин.

Кабина лифта пришла, он пропустил вперед семью. Папа вставил в прорезь карточку-ключ, дающую доступ на тридцать первый этаж. Очевидно, он предназначался для особых гостей. Малоун решил, что это может оказаться неплохим местом для размышлений.

— О, вы уже нажали эту кнопку, — сказал он.

Они молча поднялись на тринадцать этажей, потом все вышли. Как Малоун и подозревал, там находилась гостиная высшего класса, доступная только для тех гостей, кто платил за эту привилегию. Он пропустил вперед отца семейства, тот вставил карточку-ключ в другую прорезь и открыл застекленную дверь.

Малоун последовал за семьей внутрь.

Г-образная гостиная была заполнена людьми, они закусывали холодным мясом, сыром и фруктами. Малоун оглядел помещение и тут же обнаружил двоих с наушниками и миниатюрными нагрудными микрофонами, прилипших к окнам, выходящим на Восточную Сорок вторую улицу.

Секретная служба.

Он взял яблоко с деревянного блюда на столе и дневной выпуск «Нью-Йорк таймс». Отошел в дальний угол, впился зубами в яблоко и сел, глядя то в газету, то на агентов.

Малоун надеялся, что не сделал третьей ошибки.

Глава 5

Залив Памлико, Северная Каролина

Сидевший в главной каюте «Эдвенчера» Хейл заметил, что они повернули на запад, оставили позади открытый океан и входят в залив. Сине-серая вода теперь приобрела цвет кофе из-за постоянного вымывания осадочных пород, которые несла на восток извилистая река Памлико. Воды эти некогда бороздили выдолбленные каноэ, пироги, в которых не гребли, а отталкивались шестом, и пароходы каботажного плавания. А также шлюпы, каперы и фрегаты авантюристов, которые называли густо поросшие лесом берега этой затерянной каролинской колонии домом. Памлико входит в число самых сложных водных путей на планете. В ней громадное множество устричных отмелей, приливных болот, дюн и заводей. На дальних ее берегах есть опасные мысы – Лукаут и Фир, а открытое море вблизи устья до того коварно, что прозвано Кладбищем Атлантики.

Он родился и вырос неподалеку от этого места, как и его предки с начала восемнадцатого столетия. Еще мальчиком научился ходить под парусами, избегать постоянно меняющихся место отмелей и справляться с опасными течениями. Залив Окракок, который они только что миновали, был тем местом, где в ноябре 1718 года был в конце концов убит пират Черная Борода. Местные жители до сих пор почтительно говорят о нем и о его пропавшем сокровище.

Хейл смотрел на стол, где лежали два документа.

Он взял их с собой, понимая, что, когда дело с бухгалтером будет решено, ему потребуются обратить внимание на ошибку, совершенную его прапрадедом Абнером Хейлом, который 30 января 1835 года пытался убить президента Эндрю Джексона.

Впервые в истории на действующего президента было совершено покушение.

И ответ Джексона на эту попытку – рукописное письмо Абнеру, теперь запакованное в пластик, – с тех пор не давал Хейлам покоя.

Значит, ты наконец поддался своим предательским побуждениям. Твое терпение лопнуло. Я этим доволен. Это будет война, такая же ожесточенная, как на поле боя с врагами этой страны. Ты захотел войны, и я не буду прятаться в углу, раз сделан первый выстрел. Если я не поддаюсь на твоё заигрывание, не согласился на твои требования, не склонился перед тобой, то моя жизнь сочтена ненужной? Ты посмел подослать убийцу? Не ответить на такое вопиющее оскорбление было бы постыдно. Мои чувства пылки, и, уверяю, я сам тоже. Твой убийца проживет свои дни, бормоча бессмыслицу. Этого слугу ты выбрал удачно. Он будет признан сумасшедшим и изолирован, никто не поверит ни единому его слову. Не существует никаких свидетельств заговора, но мы оба знаем, что ты убедил этого человека, Ричарда Лоуренса, навести пистолеты на меня. В настоящее время мои чувства так пылают, что я оскорбил бы их, если бы не ускорил твоего падения. Однако найти нужного ответа я не мог. Поэтому, получив совет и наставление тех, кто мудрее меня, я избрал надлежащий курс. Моя цель заключается в том, чтобы объявить: всякое юридическое основание, защищающее твоё грабительство, исчезло. Я удалил из официальных документов Конгресса все упоминания о твоём каперском свидетельстве. Когда ты обратишься к другому президенту с вопросом, будет ли твоё свидетельство действительно, он не будет связан законом, как я. Чтобы усугубить твоё страдание и продлить агонию твоего

беспомощного положения, я это основание не уничтожил. Признаюсь, такое намерение было, но другие убедили меня, что полнейшая безысходность может сподвигнуть тебя на очередной безрассудный поступок. Поскольку ты обожаешь секреты и ведешь жизнь, полную тайн, я предлагаю тебе сообразный вызов. Приложение к этому письму представляет собой шифр, составленный достопочтенным Томасом Джефферсоном. Мне сказали, он считал этот шифр превосходным. Прочти это сообщение и узнаешь, где я спрятал то, что тебе донельзя нужно. Не прочтешь – так и останешься жалким предателем. Должен признаться, такой курс нравится мне гораздо больше. Я скоро вернусь в Теннесси и проведу последние годы жизни в ожидании дня, когда усну рядом с моей любимой Рейчел. Искренне надеюсь, что избранный тобой недостойный мужчины курс погубит тебя, и я доживу до того дня, чтобы этому порадоваться.

Эндрю Джексон.

Хейл посмотрел на другой лист, тоже забранный в пластик.

Его семейство пыталось найти ключ к шифру Джефферсона в течение ста семидесяти пяти лет. Нанимало специалистов. Тратило деньги.

Но ключ им не давался.

Послышались шаги, приближающиеся от носа судна, и в каюту вошел его личный секретарь.

– Включите телевизор.

Хейл увидел в его глазах озабоченность.

– Вести скверные.

Хейл нашел пульт дистанционного управления и нажал кнопку.

* * *

Малоун доел яблоко, держа газету раскрытой перед собой. Никакого сообщения о поездке президента в Нью-Йорк он не обнаружил. Странно. Президенты обычно приезжали с большой шумихой. Нужно быстрее уходить из отеля. Каждая секунда промедления усложняла эту задачу. Он знал, что в «Гранд-Хайате», большом многоэтажном комплексе, тысячи людей струятся потоками туда-сюда круглые сутки. Сомнительно, чтобы полиция или секретная служба смогли перекрыть все выходы, тем более так быстро. В помещении были включены два телевизора, и он видел, что камеры сотовых телефонов действительно передавали фотографии, но, к счастью, почти все они были размытыми. Пока что ни слова о состоянии Дэниелса. Люди тараторили о нападении, говорили, что все произошло прямо под ними. Несколько человек слышали выстрелы и видели ракету. Два агента в другом конце гостиной смотрели вниз и говорили по рациям.

Малоун встал, собираясь уходить.

Агенты бросились от окна прямо к нему. Он приготовился отреагировать, заметив, что массивный деревянный стол с яблоками и газетами может замедлить их приближение.

Конечно, у них были пистолеты, а у него нет, так что прок от стола был незначительный.

Агенты прошмыгнули мимо него, побежали к лифтам и, когда пришла пустая кабинка, вошли в нее.

Малоун тихо вздохнул, вошел и нажал кнопку «вниз», решив идти не таясь.

Прямо из главных дверей.

Глава 6

Уайетт ждал в вычурном вестибюле «Гранд-Хайата», заполненном туристами, приехавшими на выходные в Нью-Йорк и теперь взбудораженными тем, что кто-то пытался убить президента Соединенных Штатов. Он прислушался к обрывкам разговоров и понял, что никто не знает, ранен ли Дэниелс, известно только, что его быстро увезли. Кто-то вспомнил покушение на Рейгана в 1981 году, когда официальное заявление было сделано только после того, как президента доставили в операционную.

По меньшей мере десяток полицейских и пять-шесть агентов секретной службы быстро шли по двухэтажному вестибюлю. Они громко разговаривали, занимали места у эскалаторов и выходов. Трудно было сказать, где появится Малоун, но выходы из отеля были ограничены дверью этажом ниже, ведущей на Восточную Сорок вторую улицу, и стеклянными дверями этажом выше. Они открывались в туннель, ведущий к Большому центральному вокзалу, который Уайетт видел со своего наблюдательного пункта. Если он знал своего противника настолько хорошо, как ему казалось, то Малоун должен был просто выйти в главные двери. Почему бы нет? Лица его никто не видел, а прятаться лучше всего, постоянно находясь на виду.

Он понимал, что власти рады были бы удалить всех из отеля, но это могло оказаться невозможным. На двадцати с лишним этажах находилось очень много людей. После обычной шестимесячной подготовки к президентскому визиту секретная служба могла бы с этим справиться. Но агенты готовились всего два месяца, основной их тактикой была секретность, поскольку никаких объявлений не делалось до этого утра, когда Белый дом лишь сообщил, что Дэниелс будет в Нью-Йорке с личным визитом. Этот прецедент шел от прежнего президента, совершившего необъявленную поездку вместе с женой, чтобы посмотреть одну из бродвейских постановок. Та поездка прошла без сучка без задоринки, но Дэнни Дэниелс, видимо, в настоящую минуту клял себя, если только его внутренности не были повреждены, или он не потерял большого количества крови.

Уайетту нравилось, когда людям приходилось плохо.

Это значительно облегчало задачу.

Скорее всего, Малоун поднялся наверх, по крайней мере для начала. Однако он мог выйти из любого лифта, какие были видны Уайетту. Определенно он не пойдет по лестницам, потому что полиция перекроет их первым делом. Но записка, которую Уайетт оставил в номере, погонит Малоуна вперед. Малоун будет, как всегда, Одиноким рейнджером. Преданным и верным своей драгоценной Стефани Нелл.

Уайетту нравилось быть снова в деле.

Последний контракт у него был давно. За последние годы работы стало меньше, и он тосковал по своему положению штатного агента. Восемь лет назад его вынудили уйти. Но он все-таки зарабатывал на жизнь, предлагая свои услуги, что представлялось будущим разведки. Меньше агентов в платежной ведомости, больше нанятых для конкретного задания – независимых парней, от которых можно в случае чего отречься и которые не требуют пенсии. Но ему пятьдесят, он уже мог бы подняться до заместителя администратора или даже главы агентства. Он всегда считался одним из лучших полевых агентов.

Пока...

«Что собираешься делать?» – спросил его Коттон Малоун.

Они оказались в западне. Двое вооруженных людей наверху заставили их лечь, еще двое находились в темных укрытиях, тянувшихся перед ними. Он подозревал западню, и теперь его опасение подтвердилось. К счастью, они с Малоуном были подготовлены.

Он потянулся к рации.

Малоун схватил его за руку.

– Нельзя.

– Почему?

– Мы знаем, что там. Они нет.

Они – это были трое агентов, получившие приказ наблюдать за периметром.

– Мы понятия не имеем, сколько там стволов, – сказал Малоун. – О четырех знаем, но их может оказаться гораздо больше.

Он нашел пальцем кнопку «ПЕРЕДАЧА».

– У нас нет выбора.

Малоун вырвал у него рацию.

– Если я соглашусь с этим, виновны будем оба. Мы можем справиться с этой ситуацией.

В них выстрелили несколько раз. Они лежали среди ящиков.

– Давай поделимся, – сказал Малоун. – Я влево, ты вправо, встретимся в центре.

Рация будет у меня.

Он промолчал.

Малоун уставился в темноту, видимо, оценивая опасность и готовясь идти вперед.

Уайетт предпочел иной курс.

Удар пистолетом по виску, и Малоун без сознания рухнул на бетон.

Он взял рацию и приказал трем агентам войти внутрь.

Чей-то громкий голос вернул его к действительности.

В вестибюль нахлынула еще волна полицейских. Теперь людей гнали к выходам, служащие отеля помогали. Очевидно, кто-то наконец принял решение.

Уайетт оглядел эту кутерьму.

Главные лифты открылись на нижнем этаже, и люди вереницей шли наружу. Одним из них был Коттон Малоун.

Уайетт улыбнулся.

Малоун, как и предвидел Уайетт, выбросил пиджак. Одну из вещей, которые бы высматривали агенты секретной службы. Он наблюдал, как Малоун смешался с толпой, протиснулся к эскалатору и поехал вниз, к главному входу отеля. Уайетт остался, прячась за высокой портьерой. Агенты и полицейские шли к тому месту, где он стоял, жестами приказывая всем уходить.

Малоун сошел с эскалатора и вместо того, чтобы выйти в центральные двери, повернул направо и пошел к выходу, ведущему в Большой центральный вокзал. Уайетт отошел к одной из закрытых на вечер комнат для заседаний и достал из кармана рацию, уже настроенную на ту частоту, которой пользовалась секретная служба.

– Внимание всем агентам. Подозреваемый одет в светло-голубую, застегивающуюся донизу рубашку, светлые брюки, сейчас он без пиджака, выходит из главного вестибюля в туннель, ведущий в Большой центральный вокзал. Я иду в этом направлении.

Он чуть подождал, сунул в карман рацию и повернулся к вестибюлю.

Малоун вышел в дверь и скрылся.

Агенты секретной службы пустились в погоню, расталкивая толпу.

Глава 7

Нокс вышел из отеля «Плаза». Он знал, что, по крайней мере, трое членов Содружества находятся на грани паники. И поделом. То, что они санкционировали, было чревато риском. На его взгляд, слишком большим. Раньше они всегда действовали с разрешения правительства, и с такой поддержкой их поступки и власть были законными. А теперь они изменники, плывущие в бурных, неведомых водах.

Он пересек улицу и вошел в Центральный парк. Восемьсот с лишним акров деревьев, травы, озер и тропинок. Место отдыха целого города. Без него Манхэттен был бы одним сплошным кварталом бетона и зданий.

Он позвонил из «Плазы», попросил немедленной встречи. Связной тоже хотел поговорить – ничего удивительного – и находился поблизости, поэтому они выбрали ту же скамью, за Овечьим лугом, у фонтана Вифеда, где уже встречались.

Ждавший его человек был неприметным во всех отношениях, от незапоминающегося лица до простой одежды. Нокс подошел и сел, сразу же почувствовав неприязнь к самодовольному выражению лица Скотта Парротта.

– Человек, который высовывался из окна? – спросил он Парротта. – Один из ваших?

– Мне сказали, что это будет остановлено, но не сказали как.

Такой ответ вызывал больше вопросов, чем решал, однако Нокс оставил эту тему.

– Что теперь?

– Мы хотим, чтобы это стало сообщением для капитанов, – сказал Парротт. – Пусть знают, что о Содружестве нам известно все. Мы знаем его работников...

– Команду.

– Прошу прощения?

– На компанию работает команда.

Парротт рассмеялся.

– Вы прямо-таки пираты.

– Каперы.

– Какая, черт возьми, разница? Крадете у кого только можно.

– Только у врагов этой страны.

– Неважно, кто вы, – сказал Парротт. – Мы все должны быть в одной команде.

– С нашей точки зрения дела обстоят иначе.

– И я сочувствую вашим боссам. Знаю, что их притесняли. Я понимаю их. Но всему есть предел. Вам нужно это усвоить. Они должны понимать, что мы ни за что не позволим им убить президента. Меня возмущает, что они думают, будто позволим. Как я сказал, это сообщение.

Национальное разведывательное агентство, очевидно, хотело, чтобы он лично доставил его. Парротт был связником Нокса с НРА. Год назад, когда стало ясно, что фракции в разведсообществе решили уничтожить Содружество, только НРА осталось на его стороне.

– Капитаны зададутся вопросом, почему вы посылаете им сообщения. Почему вмешиваетесь.

– Тогда скажите им, что у меня есть хорошие новости. Такие, что они должны благодарить нас за то, что мы сделали сегодня.

Нокс усомнился в этом, но продолжил слушать.

– Пока мы разговариваем, ключ к вашему джефферсоновскому шифру, наверно, загружается в мой портативный компьютер. Наши люди разобрались в нем.

Он не ослышался? Ключ к шифру найден? Через сто семьдесят пять лет? Парротт прав – капитаны затрепещут от восторга. Но существовала проблема только что произошедшей

глупости. Он мог только надеяться, что надежно скроет их следы. Иначе никакой ключ к шифру не будет иметь значения.

– Если что-то способно помочь им вылезти из ямы, которую они вырыли себе сегодня, – сказал Парротт, – то лишь это.

– Почему не сказать нам?

Агент издал смешок.

– Не имею права. Сомневаюсь, что вы оставили куда-то ведущий след, и мы были там, готовые остановить попытку убийства, так что это не имеет значения.

Нокс промолчал. Он утвердился в решении, которое принял по пути сюда.

Выполнить его было необходимо.

– Я подумал, может, вы угостите меня обедом, – сказал Парротт. – Чем-нибудь мясным. Вы можете себе это позволить. Потом отправимся в мой отель, и вы сможете узнать, что написал Эндрю Джексон.

Неужели эта катастрофа может обернуться удачей? Даже Квентин Хейл, очевидно, преобладающий в ярости, услышав, что шифр разгадан, придет в бурный восторг.

Нокс пятнадцать лет был квартирмейстером, заслужив должность, которую занимал его отец. Он всегда улыбался, смотря пиратские фильмы с пародийным всемогущим капитаном, который безжалостно тиранит команду. Ничто не могло быть дальше от действительности. Пиратские общины действовали как свободные демократии, их члены сами решали, кто будет ими командовать и как долго. Тот факт, что капитан и квартирмейстер избирались, служил гарантией, что обращение с подчиненными будет справедливым, разумным. К тому же нового капитана или квартирмейстера могли избрать в любое время. Многие капитаны, заходившие слишком далеко, оказывались выброшенными на первый же встречный клочок земли, и в предводители избирали другого человека. А квартирмейстеру приходилось быть еще осторожнее, потому что он служил и команде, и капитану.

Хороший квартирмейстер понимал, как угождать обоим.

Поэтому Нокс знал, что делать.

– Идет, – сказал он с улыбкой. – Бифштекс с меня, – вытянул руку и дважды погладил Парротта по плечу. – Понял. Ваш верх. Я передам сообщение.

– Я надеялся, что вы поймете правильно.

Нокс отвел руку и хлопнул по обнажившейся коже на шее Парротта, вонзив в нее короткую иглу. Небольшое давление, потом нажатие на поршень, и содержимое маленького шприца вошло внутрь.

– Эй.

Парротт потянулся к больному месту.

Один. Два. Три.

Тело Парротта обмякло.

Нокс подержал его в сидячем положении, потом мягко уложил на скамью. Он использовал жидкость, взятую из рыбы с карибских рифов. *Karenia annulatis*. Быстродействующий смертельный яд. Столетия назад, в те славные дни, когда шлюпы бороздили южное море, не один враг был отправлен на тот свет его почти мгновенным действием.

Жаль, что этому человеку пришлось умереть.

Но выбора не существовало.

Никакого.

Нокс аккуратно положил руки Парротта ему под щеку, словно тот спал. Обыденное зрелище для Центрального парка. Нокс ощупал карманы брюк Парротта и нашел ключ от номера в отеле «Хелси Парк-лейн». Неплохой отель. Он сам останавливался там несколько раз.

Потом Нокс ушел.

Глава 8

Малоун спокойно двигался по низкому туннелю, соединяющему «Хайат» с Большим центральным вокзалом. Он знал, что из людного зала можно доехать поездом до «Сент-Реджиса», где ждала Кассиопея. Вместе они смогут решить, что делать дальше.

Интересно, что он думал так.

Вместе.

Малоун много лет жил и работал один. Два года назад он встретил Кассиопею, но лишь несколько месяцев назад, в Китае, они наконец признались в своих чувствах. Он думал, что их близость – это просто эмоциональная реакция на все, что произошло.

Но он ошибался.

Они были противниками, соперниками, потом друзьями. Теперь стали любовниками. Кассиопея была уверенной, умной, красивой. Их интимность была приятной, доверительной, они знали: каждый партнер получит от другого то, что необходимо. Вот и теперь, когда полицейские, наверняка мстительно обдумывающие случившееся, вели охоту за Малоуном, ему бы не помешала небольшая помощь.

Скорее даже большая.

Малоун вышел из туннеля, прошел через стеклянные двери, ведущие в окаймленный киосками вестибюль. Справа неясно вырисовывался выход на улицу. Он свернул налево и вошел в самый узнаваемый на свете вокзал длиной почти с футбольное поле и шириной с его треть. Знаменитый потолок – звезды зодиака из золотой фольги на голубом небе – возвышался на сотню футов. На центральной справочной будке красовались бронзовые часы с четырьмя циферблатами. Их стрелки показывали 7 часов 20 минут вечера. Во всех направлениях шли ведущие к платформам проходы и коридоры. Эскалаторы двигались вверх и вниз к путям на других уровнях. Малоун знал, что под ним находится большой обеденный зал, заполненный кафе, булочными и пунктами быстрого питания. Еще ниже находилась станция метро. Куда ему и было нужно.

Малоун осмотрел открытые рестораны, доминирующие на обеих сторонах просторного зала этажом выше. Услышал обрывки разговоров проходящих жителей пригородов. О состоянии Дэниелса ни слова.

Двое агентов вошли в вокзал из того туннеля, который он только что оставил позади.

За ними еще трое.

Малоун приказал себе оставаться спокойным. Преследовать его никак не могли. Им практически не за что ухватиться. Они просто ведут разведку. Обыск. Надеются на везение.

Трое полицейских вбежали с улицы. Еще несколько появились справа от него, сошли с эскалаторов, ведущих на Сорок пятую улицу.

Нет. Они шли на какой-то объект. Но что говорилось в записке Стефани? *Не доверяй никому.* Ему требовалось спуститься на два уровня в метро. К сожалению, теперь идти можно было только налево, к выходу на Сорок вторую улицу.

В этом заключался их план?

Он пошел по широкому пешеходному мостику над бетонной дорожкой. Один из полицейских появился из-за справочной будки и устремился к нему.

Он продолжал идти.

Ни полицейских, ни агентов на его пути не стояло.

Мостик с обеих сторон ограждали мраморные перила высотой до талии. За перилами Малоун заметил узкий выступ, ведущий с моста к дорожке внизу.

Неожиданность – это всегда преимущество, но двигаться требовалось быстро. Полицейский за спиной наверняка находился всего в нескольких шагах.

Малоун сделал шаг в сторону, повернулся и ударил полицейского коленом в живот, повергнув его на землю. Он надеялся, что выиграл несколько драгоценных секунд, достаточных, чтобы уйти от остальных, еще находившихся в главном зале.

Он перепрыгнул через мраморные перила и застыл на выступе, увидев, что до нижней дорожки еще тридцать футов. Слишком высоко для прыжка. Малоун быстро пошел вперед, расставив руки для сохранения равновесия, спустился и спрыгнул с выступа, когда расстояние сократилось до десяти футов.

Наверху появились агенты и полицейские.

Выхватили пистолеты.

На нижней дорожке поднялась тревога, люди увидели оружие и стали рассеиваться. Малоун использовал их сутолоку как укрытие и побежал под мостиком, уходя с линии огня. Полицейским наверху потребуется несколько секунд, чтобы перейти на другую сторону мостика, этого времени должно хватить для побега. Ресторан «Устричный бар» находился слева от него, главный обеденный зал справа. Он знал, что десяток, если не больше, выходов ведут от этого зала к путям, поездам, лестницам, лифтам и рампам. Можно было вскочить в любой поезд и купить билет в вагоне.

Он быстро вошел в зал и направился к выходам в дальней стороне. Перед ними находился целый лабиринт буфетов, столов, стульев и людей.

Множество укрытий.

Появились двое. Они ждали за центральной колонной. Навели на него пистолеты, и ему вспомнилась старая избитая фраза.

Обогнать радио невозможно.

Он поднял руки.

Раздались громкие голоса – «На пол!»

Малоун опустился на колени.

Глава 9

Кассиопея Витт вышла из-под душа и потянулась к махровому халату. Прежде чем окутать влажную кожу его мягкими складками, сделала то, что обычно делала после мытья, по крайней мере когда это возможно – взвесилась. Она становилась на цифровые весы накануне, приняв душ после трансатлантического перелета. Само собой, после таких путешествий всегда прибавляются килограммы. Почему? Это как-то связано с обезвоживанием и сохранением флюидов. Она не была помешана на сохранении веса. Скорее, любопытствовала. Приближался средний возраст, поэтому то, что она ела, и то, что делала, значило гораздо больше, чем пять лет назад.

Она взглянула на жидкокристаллический дисплей весов.

56,7 кг.

Неплохо.

Кассиопея завязала пояс халата и обернула влажные волосы полотенцем. В соседней комнате из проигрывателя компакт-дисков лилось попури классической музыки. Она любила «Сент-Реджис», легендарное историческое здание в самом центре Манхэттена, рядом с Центральным парком. Здесь останавливались ее родители, когда приезжали в Нью-Йорк, и здесь всегда останавливалась она. Поэтому когда Коттон предложил провести выходные по ту сторону Атлантики, она тут же вызвалась организовать пристанище.

Кассиопея выбрала Губернаторский номер люкс не только ради открывающихся видов, но и ради его двух спален. Они с Коттоном, хоть и делали громадные шаги вперед, все еще не выходили из рамок начальных отношений. Одной из спален не пользовались, но она имела – на всякий случай.

После возвращения из Китая они проводили вместе много времени, и в Копенгагене, и в ее французском шато. Пока что погружение в этот эмоциональный омут, новый для обоих, их вполне устраивало. С Коттоном она чувствовала себя уверенно-спокойно, понимая, что они равны. Коттон постоянно говорил, что общение с женщинами не его сильная сторона, но он себя недооценивал. Это путешествие служило превосходным образцом. Хотя для Коттона основной целью была встреча со Стефани Нелл, Кассиопея оценила тот простой факт, что он захотел взять ее с собой.

Но она тоже сочетала удовольствие с делом.

Одной из ее не особенно любимых задач была забота о семейном деле. Она являлась единственной наследницей финансовой империи отца, обладавшей миллиардами и раскинувшейся на шесть континентов. Центральное управление в Барселоне вело повседневные операции. Кассиопея еженедельно получала отчеты, но иногда требовалось ее вмешательство как единственной держательницы акций. Поэтому вчера и сегодня она встречалась с американским управляющим. Она обладала деловой хваткой, но ей хватало ума доверять своим сотрудникам. Отец учил ее всегда наделять руководителей долей в доходах – процентами, пусть и небольшими – и был прав. Кассиопея была довольна управляющими, которые бережно заботились о ее компании и увеличивали доходы.

Коттон ушел часа два назад, решив дойти пешком до Сорок второй улицы. В Нью-Йорке такое интенсивное уличное движение, что проще прошагать тринадцать кварталов. Вечером у них ужин и театр. По ее выбору, сказал Коттон. Поэтому она несколько дней назад купила билеты и заказала столик в одном из своих любимых ресторанов. А еще зашла в магазин «Бергдорф Гудмен» и купила новое платье.

Почему бы нет? Надо же девушке покрасоваться.

Ей повезло. Платье от Армани сидело превосходно, никаких доделок не требовалось. Черный шелк, открытая спина, декадентский стиль.

Именно то, что нужно им обоим.

Кассиопее нравилось думать о том, как доставить удовольствие другому. Почти всю жизнь такие мысли были ей чужды. Это любовь? Может быть, одно из проявлений. Во всяком случае, она на это надеялась.

Раздался звонок в дверь.

Кассиопея улыбнулась, вспоминая вчерашний приезд.

Я давно узнал кое-что, сказал Коттон. Если подходишь к номеру отеля и там двустворчатая дверь, по другую сторону находится что-то очень хорошее. Если есть дверной звонок, это тоже всегда хороший знак. Но если и двустворчатая дверь, и звонок, черт возьми, будь начеку.

Она заказала вино и закуски, потому что до ужина еще оставалось время. Коттон спиртного не пил – никогда, по его словам, – поэтому ему она заказала клюквенный сок. Он должен был скоро вернуться. Со Стефани он встречался в шесть пятнадцать, а время уже близилось к восьми часам. Вскоре им нужно было уходить.

Снова звонок.

Кассиопея вышла из ванной и направилась по просторной гостиной к двустворчатой двери. Отодвинула задвижку, но на дверь внезапно нажали снаружи, и это неожиданное действие заставило ее попятиться.

Внутрь ворвались двое мужчин.

Кассиопея, развернувшись, ударила одного из них ногой в живот и метнула правый кулак, метя второму в горло. Пинок пришелся в цель, и мужчина согнулся, но во второго она не попала. Снова сделала разворот, уронила с волос полотенце и увидела пистолет.

Он был наведен на нее.

Появились еще трое вооруженных мужчин.

Кассиопея замерла и осознала, что халат ее распахнулся, открыв интимные части тела. Она подняла кулаки, исполненная решимости.

– Кто вы такие?

– Секретная служба, – ответил один из мужчин. – Вы арестованы.

Что натворил Коттон в этот раз?

– Почему?

– Убийство президента Соединенных Штатов.

Кассиопея редко удивлялась по-настоящему. Такое случалось, однако не часто. Но убийство президента?

Вот это новость.

– Опустите руки и заведите их за спину, – спокойно сказал агент. – И, пожалуй, запахните халат.

Она повиновалась и овладела собой.

– Можно одеться, пока вы не увели меня?

– Не в одиночестве.

Кассиопея пожала плечами.

– Меня это не смутит, если не смутит вас.

Глава 10

Малоун понял, что ни в какой полицейский участок они не направляются. На него надели наручники, потом быстро вывели из вокзала. Взяли у него бумажник и ключ от номера в «Сент-Реджисе», и он понял, что к Кассиопее явятся визитеры. Жаль ужина и спектакля. Большое было бы удовольствие. Он даже купил кое-что из одежды для такого случая.

Ему не дали времени на разговоры. Затолкали в ждущую машину, оставили на несколько минут в одиночестве, потом повезли куда-то. Сейчас они пересекали Ист-Ривер и въезжали в Куинз, оставляя Манхэттен позади. Полицейские машины впереди расчищали дорогу. Если бы он не слишком хорошо знал ситуацию, то решил бы, что они держат путь в аэропорт имени Кеннеди. Не везут ли его в какое-то место, находящееся полностью под их контролем?

Не доверяй никому.

Предостережение Стефани.

Возможно, она права.

Малоун сомневался, что в машине ему что-нибудь сообщат, но ему хотелось сказать одну вещь.

– Ребята, вы знаете мою фамилию, значит, знаете обо мне все. Я не пытался никого убивать.

Ни агенты на переднем сиденье, ни тот, что сидел рядом с ним на заднем, не ответили. Малоун предпринял другую тактику.

– Дэниелс не пострадал?

Опять никакого ответа.

Сидевший рядом с ним парень был молодой, напряженный. Очевидно, впервые оказался в таком положении.

– Мне нужно поговорить с кем-нибудь из «Магеллана», – сказал Малоун, перейдя с дружелюбного тона на раздраженный.

Агент, сидевший впереди на пассажирском сиденье, повернулся к нему.

– Тебе нужно сидеть и помалкивать.

– Пошел ты в задницу со своими указаниями.

Агент покачал головой.

– Слушай, Малоун, не лезь в бутылку. Ладно?

Этот заговор широко разветвлен.

Еще одно предостережение Стефани.

Оно теперь у них, записку у него отобрали при обыске.

Значит, они знают то, что знает он.

Фантастика.

Они двигались в молчании еще десять минут, потом въехали в аэропорт имени Кеннеди, через ворота, ведущие прямо к взлетающим и садящимся самолетам. Правда, один стоял в стороне, окруженный полицией. Сине-белый «Боинг-747», на хвосте нарисован американский флаг, на фюзеляже написаны золотыми буквами слова «СОЕДИНЕННЫЕ ШТАТЫ АМЕРИКИ».

ВВС-1.

С переднего сиденья ему бросили синюю куртку.

– Надень, – последовала команда.

Малоун заметил на груди и на спине три золотых буквы.

ФБР.

Они подъехали к трапу, ведущему в самолет. С него сняли наручники, и он вылез из машины, надевая куртку. С дальней стороны трапа появился какой-то человек. Высокий, тощий, с редкими седыми волосами и спокойным лицом.

Эдвин Дэвис.

— За нами наблюдают, — сказал он. — От терминала. У каждой телесети камера с телеобъективом. Будь осторожен в словах. Они наняли читающих по губам специалистов.

— Я слышал, ты получил повышение.

Прошлый раз они встречались в Венеции. Дэвис был заместителем советника по национальной безопасности. Теперь он стал главой аппарата Белого дома.

Дэвис указал на трап и негромко произнес:

— Повезло мне. Пошли наверх.

— Что с Дэниелсом?

— Увидишь.

* * *

Хейл смотрел телевизор. «Эдвенчер» шел к родной пристани, теперь на моторной тяге, вверх по мутной реке Памлико. Он убавил звук, устав от ведущих, строивших предположения в надежде удержать внимание зрителей, и зернистых кадров с изображениями двух устройств, высывающихся из окон «Гранд-Хайата». Программа круглосуточных новостей была интересна лишь первые тридцать минут.

Он покачал головой, думая о собратях-капитанах.

Чертовы недоумки.

Хейл понимал, что они вправе поступать по своему усмотрению — в Содружестве правил большинство, — но его не допустили к голосованию, а это противоречило Статьям. К сожалению, отчаянные ситуации порождают отчаянные поступки, и он понимал их расстройство. Им грозила тюрьма и конфискация всего, что их семейства скопили за прошедшие три столетия. У них сохранялась единственная надежда на листок бумаги, который он сейчас держал, забранный в отдельную оболочку из пластика.

На вторую страницу язвительного письма Эндрю Джексона.

Поскольку ты обожаешь секреты и ведешь жизнь, полную тайн, я предлагаю тебе сообразный вызов. Приложение к этому письму представляет собой шифр, составленный достопочтенным Томасом Джефферсоном. Мне сказали, он считал этот шифр превосходным. Прочти это сообщение и узнаешь, где я спрятал то, что тебе донельзя нужно. Не прочтешь — так и останешься предателем.

Хейл уставился на эту страницу.

Одиннадцать рядов произвольно взятых букв и знаков.

СТОЛЕБИР
КЛОРАСТУПОМЖРОГ
УТОЛЕПТР:
ЕФКДМРУ
УСРФИКСФАД
ИРОИТ:
РСБНОЕПКФ
ОЛКГСООИТ
СТВГОБРОНТХ
КОРСНОАБ

ОЛБДШСАЕПӨ

Бессмыслица.

Искренне надеюсь, что избранный тобой недостойный мужчины курс погубит тебя и я доживу до того дня, чтобы этому порадоваться.

В течение ста семидесяти пяти лет неудачные попытки найти ключ к джефферсоновскому шифру являлись источником неприятностей. Четыре раза эти неприятности вырастали до возможной катастрофы, и четыре раза с этой ситуацией удавалось совладать.

Теперь возник пятый сценарий.

Но вопреки тому, что могли подумать его коллеги, Хейл не сидел без дела. Он работал над решением их проблемы. Двумя разными путями. К сожалению, соотечественники уже могли поставить под угрозу его усилия.

На телеэкране появилось что-то новое.

Изображение самолета ВВС-1 на бетонке в международном аэропорту имени Кеннеди. Бегущая строка гласила, что подозреваемый был задержан при попытке покинуть «Гранд-Хайат», но отпущен.

Его спутали с другим человеком.

ПОКА НИЧЕГО НЕ ИЗВЕСТНО О СОСТОЯНИИ ПРЕЗИДЕНТА, КОТОРОГО, КАК НАМ СКАЗАЛИ, ДОСТАВИЛИ ПРЯМО К САМОЛЕТУ ВВС-1.

Ему требовалось поговорить с Клиффордом Ноксом.

* * *

Малоун вошел в салон. Он знал, что в самолете четыре тысячи квадратных футов тщательно спланированного пространства на трех уровнях, включая покои президента, кабинет, помещение для сотрудников и даже оперативный зал. Обычно, когда президент отправлялся в путь, с ним отправлялось и окружение, включающее в себя врача, старших советников, секретную службу и прессу.

Но в салоне никого не было.

Малоун подумал, что, возможно, Дэниелса привезли сюда для лечения и всех выпроводили.

Он двинулся за Дэвисом, тот подвел его к закрытой двери и повернул шарообразную ручку. За дверью оказался шикарный конференц-зал, наружные окна его были закрыты.

В дальнем конце длинного стола сидел Дэнни Дэниелс. Живой и невредимый.

– Я слышал, ты пытался убить меня, – сказал президент.

– Тогда вы были бы мертвы.

Пожилый мужчина издал смешок.

– Тут, пожалуй, ты прав.

Дэвис закрыл дверь.

– Вы не пострадали? – спросил Малоун президента.

– Ран нет. Только стукнулся головой, когда меня заталкивали в машину. К счастью, как многие заметили за несколько лет, голова у меня крепкая.

Малоун увидел на столе отпечатанную записку из отеля.

Дэниелс встал из кожаного кресла.

– Спасибо за то, что сделал. Похоже, я постоянно перед тобой в долгу. Но как только мы выяснили, кого они арестовали, и я прочел взятую у тебя записку, предположительно от Стефани, стало ясно, что положение очень серьезное.

Малоуну не нравился его тон. Непонятно, к чему вел этот разговор.

– Коттон, – сказал Дэниелс. – У нас есть проблема.

– У нас?

– Да. У тебя *и* у меня.

Глава 11

Уайетт вышел из метро на Юнион-сквер. Не такую суетливую, как площади Таймс- или Геральд-сквер, и не такую чинную, как Вашингтон-сквер. Юнион обладала особым характером, притягивающим более оживленную толпу.

Он наблюдал, как в помещении Большого центрального вокзала взяли Малоуна и вывели наружу. Но арестованным он оставался недолго – до того, как Дэнни Дэниелс узнал, что взят один из его белокурых парней, а Малоун определенно принадлежал к этому престижному клубу.

Уайетт пересек Четырнадцатую улицу и пошел по Бродвею в южную сторону, к Стренду, на четырех этажах которого продавались новые и букинистические книги. Он выбрал это место из уважения к своей противнице, любительнице книг. Лично он их презирал. В жизни не прочел ни единого романа. С какой стати тратить время на ложь? Иногда он отыскивал какие-то сведения в документальных книгах, но предпочитал Интернет или просто обращение к кому-либо с вопросом. Он не понимал, в чем состоит очарование печатного слова. И не видел никакого смысла в том, что люди накапливают книги тоннами, дорожат ими, будто драгоценностями.

Уайетт увидел ту, с кем шел на встречу.

Она стояла на тротуаре, внимательно осматривая книжные развалы, окаймлявшие бродвейский фронтон Стренда. У нее была репутация остроглазой, сдержанной, скромной. Трудной в сотрудничестве. Все это находилось в резком контрасте с ее внешностью, с рельефной фигурой, черными волосами, темными глазами и смуглым цветом лица, наследием предков-кубинцев.

Андреа Карбонель руководила НРА более десяти лет. Агентство сохранялось со времен Рейгана, когда добивалось наилучших результатов в разведке. ЦРУ, АНБ и почти все другие агентства ненавидели его. Но лучшие дни НРА были позади, теперь оно представлялось еще одной многомиллионной статьей расходов в черном бюджете.

Дэнни Дэниелс всегда предпочитал «Магеллан», возглавляемый его белокурой любимцей Стефани Нелл. Двенадцать ее агентов добились в последнее время многих успехов – разоблачили предательство первого вице-президента Дэниелса, помешали созданию Центральноазиатской Федерации, ликвидировали Парижский клуб, даже мирно сменили власть в Китае. Все это без участия Уайетта. «Магеллан» работал сам, без помощи со стороны.

Само собой, если не считать Коттона Малоуна.

Когда было нужно, Нелл охотно привлекала к делу своего шикарного парня. Уайетт знал, что Малоун принимал участие почти во всех значительных достижениях агентства. И, по сообщениям его источников, работал бесплатно.

Идиот.

Андреа Карбонель позвонила Уайетту три недели назад.

– *Берешься за эту работу?* – спросила она.

– *То, чего ты просишь, может оказаться невозможным,* – ответил он.

– *Для тебя? Чушь. Все возможно для Сфинкса.*

Уайетт ненавидел это прозвище, говорившее о его склонности к молчанию. Он давно овладел искусством молчать в разговоре, однако казаться его участником. Эта тактика нервировала большинство слушателей, побуждала их говорить больше, чем собирались.

– *Моя цена приемлема?* – спросил он.

– *Вполне.*

Уайетт прошел мимо книжных развалов, зная, что Карбонель последует за ним. Свернул за угол и прошел полквартиры в восточную сторону, к Двенадцатой улице, потом вошел в дверной проем закрывшегося магазина.

– Дэниелс невредем, – сказала Карбонель, подойдя ближе.

Он был рад это слышать. Миссия выполнена.

– Как близко ты подошел, чтобы сорвать эту попытку? – спросила она.

– Где Дэниелс?

Он видел, что ей не понравился этот вопрос, но и ему не нравился ее тон.

– В аэропорту Кеннеди. В своем самолете. По пути сюда я слышала, что он хочет сделать заявление. Показать миру, что несколько не пострадал.

Теперь он решил ответить на ее вопрос.

– Я делал свою работу.

– И в нее входило вовлечение Коттона Малоуна? Секретная служба взяла его на Большом центральном вокзале. Агентов направили туда по радио. Ты понятия не имеешь, кто сообщал эти сведения, так ведь?

– Зачем задавать вопросы, ответы на которые ты уже знаешь?

– Что, если бы Малоун сплоховал?

– Этого не случилось.

Она наняла его, чтобы предотвратить попытку убийства, сказала, что не может доверить это поручение никому из штатных сотрудников. И сообщила, что ее агентство находится на бюджетной плахе, официально объявлено, что в будущем финансовом году оно будет упразднено. Сочувствия к ней Уайетт не испытывал. Его самого упразднили восемь финансовых лет назад.

– Я сделал то, что ты просила, – сказал он.

– Не совсем. Но почти.

– Мне пора возвращаться домой.

– Не хочешь задержаться, посмотреть, что произойдет? Видишь ли, Джонатан, если НРА выбросят из бюджета, ты тоже потеряешь деньги. Думаю, только я одна работаю на постоянной основе.

Неважно. Он выживет. Он всегда выживал.

Карбонель указала на его часы. «Ролекс сабмаринер».

– Нравятся они тебе?

Что в них может не нравиться? Позолоченные. С золотыми цифрами. Точность до десятой доли секунды, работают на почти вечной батарее. Подарок себе, сделанный несколько лет назад после особенно выгодного задания.

Уайетт сурово уставился в ее темные глаза.

– Знаешь, как швейцарцы стали такими превосходными часовщиками? – спросила она.

Он ничего не ответил.

– В тысяча пятьсот сорок первом году Женева объявила ювелирное дело вне закона по религиозным причинам, и ювелиры были вынуждены осваивать новую профессию – изготовление часов. Со временем они добились высокого мастерства. В Первую мировую войну, когда заводы иностранных конкурентов были захвачены или разрушены, Швейцария преуспевала. Сейчас они производят половину наручных часов в мире. Женевское клеймо – золотой стандарт, по которому меряются все остальные.

– И что?

– Джонатан, мы уже не золотые стандарты чего бы то ни было.

Она впиалась взглядом ему в глаза.

– Но у меня, как у тех швейцарских ювелиров, есть стратегия выхода.

– Желаю тебе удачи. Я вышел в тираж.

– Не хочешь больше вести игру с Малоуном?

Он пожал плечами.

– Раз его никто не застрелил, придется ждать следующего раза.

– Ты источник неприятностей и ничего больше. Так отзываются о тебе другие агенты.

– Однако же обращаются ко мне, когда припечет.

– Может быть, ты прав. Возвращайся во Флориду, Джонатан. Наслаждайся жизнью. Играй в гольф. Ходи на пляж. Оставь это дело взрослым.

Уайетт пропустил ее оскорбления мимо ушей. У него были ее деньги, была своя работа. Победа в словесной войне ничего не значила. *Интересовало* его лишь то, что за ними наблюдают. Он заметил этого человека в метро, а потом увидел его лицо на Юнион-сквер. Сейчас наблюдатель находился на другой стороне Бродвея, примерно в ста ярдах.

И был не таким уж ловким.

– Удачи, Андреа. Может, тебе повезет больше, чем мне.

Он оставил ее стоящей в дверном проеме и ни разу не оглянулся.

Метрах в двадцати из-за угла выехала машина и направилась прямо к нему.

Она остановилась, из нее вылезли двое.

– Будешь хорошим мальчиком, пойдешь спокойно? – спросил один из них.

Уайетт был безоружен. Ходить с оружием по городу стало проблематично, особенно в наэлектризованной атмосфере, которая должна была возникнуть после попытки убийства.

– Кое-кто хочет поговорить с тобой.

Уайетт оглянулся.

Карбонель исчезла.

– Мы не ее люди, – сказал один из этих двух. – И разговор, собственно, пойдет о ней.

Глава 12

Малоун сидел вместе с Эдвином Дэвисом в самолете и наблюдал за сценой внизу. Прессу допустили на асфальт, и теперь репортеры стояли в десять рядов за наскоро воздвигнутым канатным барьером, камеры были наведены на обилие микрофонов перед Дэнни Дэниелсом. Президент величественно выпрямился, громко обращаясь своим баритоном к миру.

– Что он имел в виду, говоря, что у нас есть проблема? – спросил Малоун Дэвиса.

– Прошедшие несколько месяцев были скучноватыми. Последний год второго президентского срока похож на последние месяцы жизни римского папы. Все ждут, чтобы старый умер и был избран новый. – Дэвис указал на репортеров. – Теперь им есть о чем сообщать.

Они сидели у одного из иллюминаторов самолета, снаружи их не было видно. Телевизор справа показывал, что передает Си-эн-эн, звук был негромким, Малоун едва слышал, как Дэниелс уверяет всех, что нисколько не пострадал.

– Ты не ответил на вопрос.

Дэвис указал в иллюминатор.

– Он попросил меня не давать объяснений, пока не закончит.

– Ты всегда его слушаешься?

– Нет. Как тебе хорошо известно.

Малоун повернулся к монитору и услышал, как Дэниелс провозглашает:

– Позвольте мне подчеркнуть – я считаю, что секретная служба и полиция Нью-Йорка превосходно сработали, и хочу поблагодарить их за все, что они сделали во время этого досадного инцидента. Эта поездка совершалась с личными целями, чтобы почтить старого друга. Произошедший инцидент ни в коем случае не мешает мне путешествовать по Америке и по миру. Жаль, что отдельные люди все еще думают, что политическое убийство – достойный способ вызвать перемены.

– Мистер президент, – выкрикнул один из репортеров, – можете сказать, что увидели или почувствовали в момент покушения?

– Вряд ли имеет смысл описывать, что я видел, за исключением того, что окно разбилось и высунулось металлическое устройство. Затем я увидел быструю и эффективную работу секретной службы.

– Ваши личные мысли, сэр?

– Я благодарен секретной службе за блестящую работу.

– Вы только что сказали «отдельные люди», говоря о попытке убийства. Почему множественное число?

– Может кто-нибудь из вас поверить, что такое устройство смастерил один человек?

– Вы имели в виду конкретных людей?

– Это будет главной задачей тщательного расследования, которое уже началось.

Дэвис указал на плоский экран.

– Ему нужно быть осторожнее. Этого достаточно, чтобы передать сообщение.

– Черт возьми, что там происходит? – спросил Малоун.

Дэвис не ответил. Этот педантичный человек в тщательно отглаженных брюках просто смотрел на телеэкран, Дэниелс отошел от микрофонов, и его пресс-секретарь стал отвечать на вопросы. Президент поднимался по трапу обратно в самолет, его провожали телеобъективы. Через несколько секунд он войдет в дверь, находящуюся в нескольких футах.

– Дело в Стефани, – прошептал Дэвис. – Ей нужна наша помощь.

Рядом с Кассиопеей на заднем сиденье внедорожника сидел один агент, на переднем их было двое. Они позволили ей одеться, потом собрать вещи свои и Коттона и взять их с собой.

Очевидно, у поездки была серьезная цель.

Они спокойно вышли из отеля и поехали без сопровождения по Манхэттену, через Ист-Ривер, в Куинс. Никто не говорил ни слова, и Кассиопея ни о чем не спрашивала.

В этом не было нужды.

Все было сказано по радио в машине.

Кто-то пытался убить Дэнни Дэниелса, и президент только что появился перед прессой с заверением, что нисколько не пострадал. Коттон был каким-то боком замешан, и Кассиопея подумала, не в связи ли с покушением Стефани Нелл хотела его видеть.

Стефани и Коттон были близкими друзьями пятнадцать лет. Двенадцать из них он работал под ее началом в Магеллановой квартире, секретной разведслужбе Министерства юстиции США. Коттон был капитаном третьего ранга, летчиком и юристом, Стефани лично завербовала его. Он выполнял ее самые деликатные поручения, пока не вышел в отставку три года назад, уехал в Копенгаген и открыл там книжный магазин.

Кассиопея надеялась, что с Коттоном ничего не случилось.

Они оба сочли электронную почту от Стефани странной, но не обратили внимания на настораживающие признаки. Выходные в Нью-Йорке представлялись просто развлечением.

К сожалению, она не появилась в черном платье от Армани в переполненном театре. Вместо этого агенты секретной службы везли ее неизвестно куда.

Ее длинные темные волосы были еще влажными; высыхая, они завивались. На лице не было косметики, но она редко ею пользовалась. Кассиопея выбрала элегантный ансамбль из коричневых кожаных брюк, желтую кашемировую рубашку и двубортный блейзер из верблюжьей шерсти. Тщеславие никогда не было ее слабостью, но это не означало, что она равнодушна к своей внешности.

– Извините, что ударила вас, – сказала она сидевшему рядом агенту. Он первым ворвался в номер.

Агент молча кивнул. Кассиопея понимала, что арестованным редко позволяют брать вещи в тюрьму. Очевидно, когда ее личность была установлена, поступили новые указания.

Впереди она увидела широкий простор международного аэропорта имени Кеннеди. Они въехали в открытые ворота, и Кассиопея увидела стоящий на поле самолет ВВС-1. От самолета уводили толпу людей.

– Подождем, пока не разойдутся репортеры, – сказал агент на переднем сиденье.

– А потом? – спросила она.

– Вы подниметесь на борт.

Глава 13

Река Памлико, Северная Каролина

Хейл продолжал смотреть телерепортаж. «Эдвенчеру» до конца пути оставалось меньше получаса. Шлюп еле полз, потому что глубина Памлико, несмотря на ее ширь, в лучшем случае слегка превышала двадцать футов. Хейл вспомнил, что дедушка говорил ему о неподвижных навигационных знаках – некогда деревцах кедра, которые местные лоцманы постоянно пересаживали, чтобы вынудить капитанов нанимать их. Слава богу, дни лавирования и огибания мелей, которых не существовало накануне, миновали. Проблему решили двигатели. Хейл выключил звук телевизора и прислушался к плеску воды о гладкий корпус корабля.

Ожидание.

Двадцать минут назад он позвонил по телефону и оставил голосовое сообщение.

Дэнни Дэниелс впечатляюще выступил перед репортерами. Хейл понял невысказанное сообщение президента. Расследование уже начиналось. Подумал, насколько оказался хорош квартирмейстер. Слава богу, Нокс был тщательным, этого у него не отнимешь – так же, как и его отец, служивший отцу Хейла. Но эта ситуация была, мягко говоря, необычной.

Телефон зазвонил.

Когда Хейл ответил, Нокс сказал:

– Я им говорил, что не нужно этого делать, но они были настойчивы.

– Надо было сказать мне.

– Они не имеют понятия о том, что я сделал для вас. Здесь то же самое. Вашего доверия я ни разу не нарушил, и нельзя ожидать, что нарушу их доверие.

В самом деле, всего несколько дней назад Нокс выполнил для Хейла тайную миссию. Очень важную.

И ничьего доверия ни разу не нарушил.

Хейлы были самыми богатыми из четырех семейств, состояние их равнялось состояниям остальных трех, вместе взятых. Подобное превосходство зачастую порождало возмущение, проявлявшееся время от времени вспышками своеволия и попытками самоутверждения, так что удивляться событиям этого дня не стоило.

– Что произошло? – спросил Хейл.

Он выслушал отчет квартирмейстера, в том числе о вмешательстве НРА и устранении их агента.

– С какой стати они вмешались? – спросил Хейл. – Это единственная организация, которая оказывала нам поддержку.

– Очевидно, мы зашли слишком далеко. Объяснений их агент не предложил. Казалось, он хочет отправить нам сообщение. Я подумал – им важно знать, что мы это сообщение получили и не благодарим за то, что они сделали.

Оспаривать этот вывод Хейл не мог.

Сознание миссии всегда скрепляло пиратскую компанию, команда важнее любого из ее членов. Отец учил его, что миссии требуют целей и наград, связывания ее участников единым намерением. Так считали его предки, но и сейчас любой толковый капитан понимал, что четко определенная миссия превращает преследуемых в преследователей.

Поэтому Хейл решил не критиковать Нокса и лишь сказал:

– С этой минуты держи меня в курсе дела.

Квартирмейстер не возражал.

– Я собираюсь использовать ноутбук Парротта.

Сердце его забилося чаще. Перспектива того, что шифр Джефферсона может быть разгадан, взволновала его. Возможно ли это? И все-таки...

– Я был бы осторожен.

– Я буду.

– Известить меня сразу же, как получишь результат. И вот что, Клиффорд. Не нужно больше таких шагов, как сегодня.

– Полагаю, вы будете иметь дело с остальными тремя?

– Как только сойду на берег.

Он закончил разговор.

Хоть что-то сегодня может закончиться удачей.

Посмотрел на две забранные в пластик страницы.

В 1835 году, когда его прапрадед пытался убить Эндрю Джексона, расплата оказалась жестокой. И тогда, как и теперь, в Содружестве существовали разногласия. Но в тот раз Хейл приказал квартирмейстеру убить президента Соединенных Штатов.

Был тайно завербован Ричард Лоуренс, безработный маляр. До попытки политического убийства Лоуренс хотел застрелить свою сестру, открыто угрожал двум другим и в конце концов поверил, что Джексон убил его отца. К тому же он мнил себя королем Англии и возмущенно заявлял, что Джексон отнимает его королевское наследство. Считал президента виновным в своей безработице и в общей нехватке денег в стране.

Подтолкнуть его к действию оказалось нетрудно.

Проблему представлял сам Джексон, засевший в Белом доме холодной зимой 1834 года. Прощание с покойником в Капитолии заставило его покинуть резиденцию, поэтому Лоуренса отправили в Вашингтон и дали ему два пистолета. Лоуренс укрылся в толпе в холодный, дождливый день и встретился лицом к лицу со своим врагом.

Но вмешалась судьба и спасла Старого Гикори.

Из-за отсыревшего пороха оба пистолета дали осечку.

Джексон тут же обвинил сенатора от штата Миссисипи Джорджа Пойндекстера, заявил о заговоре. Сенат назначил официальное расследование, но Пойндекстер был оправдан. Однако втайне Джексон наметил подлинное отмщение.

Дедушка Хейла рассказал внуку эту историю.

При шести президентах до Джексона действовать было легко. Джордж Вашингтон знал, что сделало Содружество для страны во время Войны за независимость. Знал Адамс. Даже Джефферсон терпел его, и помощь Содружества в войне Америки с берберскими пиратами окончательно обелила его репутацию. Мэдисон, Монро и второй Адамс не представляли проблемы.

Но этот треклятый болван из Теннесси решил изменить все.

Джексон сражался с Конгрессом, с Верховным судом, с прессой – со всеми вместе и с каждым порознь. Он был первым президентом, выдвинутым политической партией, а не политическими боссами, первым, кто обращался непосредственно к простым людям и победил на выборах только благодаря им. Он терпеть не мог политическую элиту и, став президентом, постарался, чтобы ее влияние иссякло. Джексон имел дело с пиратами, как генерал во время войны 1812 года, когда заключил договор с Жаном Лафитом, чтобы защитить Новый Орлеан от британцев. Ему даже нравился Жан Лафит, но впоследствии, будучи президентом, когда возник спор с Содружеством, который было бы легко уладить, Джексон отказался капитулировать. Другие капитаны в то время хотели сохранить мир, поэтому проголосовали за его сохранение.

Одни только Хейлы сказали – нет.

И послали Ричарда Лоуренса.

Но, как и сегодня, попытка убийства провалилась. К счастью, Лоуренса объявили невменяемым и отправили в сумасшедший дом. Он умер в 1861 году, ни разу не произнеся внятного слова.

Может ли такая удача возникнуть из-за сегодняшнего фиаско?

За окнами каюты Хейл увидел автомобильный паром «Бэйвью», совершающий очередную рейс через Памлико на юг, к Авроре.

Дом был уже близко.

Мысли его продолжали обращаться к прошлому.

Путь, который избрал его прапрадед, оказался ухабистым. Эндрю Джексон оставил на Содружестве шрам, который уже четыре раза превращался в открытую рану.

Искренне надеюсь, что избранный тобой недостойный мужчины курс погубит тебя.

Может, и нет, жалкий сукин сын.

В каюту вошел его секретарь. Хейл поручил ему найти трех остальных капитанов.

— Они в летнем домике у Когберна.

— Сообщи им, что я хочу видеть их в главном доме через час.

Секретарь вышел.

Хейл снова уставился на изменчивую реку и увидел акулий плавник рядом с кильватером шлюпа. Любопытное зрелище в пятидесяти милях от открытого моря. В последнее время он замечал все больше бороздящих эти воды хищников. Несколько дней назад акула сорвала наживку с лески, едва не сдернув его в воду.

Хейл улыбнулся.

Они были сильными, агрессивными, безжалостными.

Как он сам.

Глава 14

BBC-1

Малоун начал раздражаться. Замечание о том, что Стефани Нелл в беде, беспокоило его. И он не упустил того, что сказал президент вначале:

Я прочел эту записку предположительно от Стефани.

Стефани была не только его прежней начальницей, но и близким другом. Они работали вместе двенадцать лет. Когда он досрочно выходил в отставку, Стефани пыталась отговорить его. В конце концов она все поняла и пожелала ему счастья. Но за последние три года они не раз приходили друг другу на помощь. Он мог полагаться на нее, она на него.

Именно по этой причине Малоун отозвался на ее электронное письмо.

Президент вернулся в самолет и подошел к Малоуну и Дэвису. Они последовали за ним в конференц-зал. Там по-прежнему было пусто. Три жидкокристаллических экрана демонстрировали изображения «Боинга 747», передаваемые компаниями «Фокс», Си-эн-эн и местной нью-йоркской вещательной станцией, когда репортеров удаляли. Дэниелс снял пиджак, распустил галстук, расстегнул воротник.

– Садись, Коттон.

– Лучше скажите мне, что происходит.

Дэниелс вздохнул.

– Это будет нелегкой задачей.

Дэвис сел в одно из кресел.

Малоун тоже решил присесть и послушать, что они скажут.

– Планета теперь может вздохнуть спокойно, зная, что лидер свободного мира все еще жив, – сказал Дэниелс с откровенным сарказмом.

– Это нужно было сделать, – сказал Дэвис.

Дэниелс сел в кресло. Ему оставалось шестнадцать месяцев до конца президентского срока, и Малоуну стало любопытно, чем станет заниматься этот человек, когда перестанет сидеть во главе стола. Быть экс-президентом, наверное, нелегко. Сегодня на твоих плечах лежит тяжесть всего мира. Потом, в полдень двадцатого января, всем будет наплевать, жив ли ты.

Дэниелс потер глаза и щеки.

– Вчера я думал об истории, которую мне кто-то рассказал. Два быка сидели на холме, глядя на стадо хорошеньких коров. Молодой сказал: «Я побегу вниз и возьму одну из этих красоток». Старый бык не попался на эту удочку. Он просто стоял. Молодой подстрекал его, ставил под сомнение его мужские способности, повторял снова и снова: «Давай сбежим с холма и возьмем одну из них». Наконец старый склонил голову набок и сказал юному другу: «Сейчас спокойно, не торопясь спустимся и возьмем всех».

Малоун улыбнулся. Он мог сочувствовать той юной корове.

На телеэкранах появилось нечеткое, далекое изображение самолета и двух машин, подъезжающих к трапу. Из машин вышли трое агентов в куртках с буквами ФБР, как на той, что все еще была на нем, и в фуражках.

Один из них стал подниматься по ступенькам.

Малоун чувствовал, что они чего-то ждут, но, думая о смысле этой истории, задался вопросом:

– Кого вы имели в виду?

Президент указал пальцем на него и Дэвиса.

– Вы познакомились снова?

– Как родные, – ответил Малоун. – Я питаю любовь к нему. А ты, Эдвин? Дэвис покачал головой.

– Поверь нам, Коттон. Мы не хотели бы, чтобы это произошло.

Дверь конференц-зала открылась, и вошла Кассиопея. Сняла синий китель и фуражку, показав влажные темные волосы.

Выглядела она замечательно, как всегда.

– Это не ужин и спектакль, – сказал Малоун. – Но это ВВС-1.

Кассиопея улыбнулась.

– Не соскучишься.

– Теперь, когда вся команда в сборе, – сказал Дэниелс, – можно приступить к делу.

– Какому? – спросила Кассиопея.

– Очень приятно снова тебя видеть, – сказал ей президент.

Малоун знал, что Кассиопея уже работала с Дэниелсом – над чем-то, в чем они объединились со Стефани. Обе женщины были близкими подругами. С тех времен, когда был жив муж Стефани, Ларс. Значит, ее тоже беспокоит, что Стефани попала в беду.

Кассиопея пожала плечами.

– Не знаю, насколько приятно. Меня обвинили в том, что я пыталась вас убить. Поскольку вы определенно живы, что мы здесь делаем?

Лицо Дэниелса посуровело.

– Это неприятно. Определенно.

Глава 15

Бат, Северная Каролина

Хейл сошел со шлюпа и двинулся по причалу. Команда уже швартовала «Эдвенчер» в конце двухсотфутовой пристани. Августовское солнце клонилось к западу, воздух обрел привычную прохладу. Вся земля вдоль реки, почти двадцать квадратных миль, принадлежала Содружеству – столетия назад участки были распределены между четырьмя семьями, берег был разделен поровну. Милях в двух к востоку лежала сонная деревня, где обитало двести шестьдесят семь жителей. Главным образом поселение состояло из загородных домов для отдыха и приречных коттеджей. Принадлежащая Хейлам четверть территории постоянно содержалась в образцовом порядке. Возле окружающих рощ стояли четыре дома – по одному для каждого из детей Хейла и для него самого. Большую часть времени он жил здесь, занимая квартиры в Нью-Йорке, Лондоне, Париже и Гонконге только при необходимости. Другие кланы делали то же самое. Так велось с 1793 года, когда было образовано Содружество.

Хейла ждал электрокар, и он поехал через рощи дубов, сосен и эвкалиптов к дому, воздвигнутому в 1883 году в стиле королевы Анны. Особняк изобиловал неправильными формами и впечатляющими изломами крыши. Балконы и веранды охватывали три этажа с двадцатью двумя комнатами. Оливковые стены дышали теплом и своеобразием, дранка смешивалась со светло-красным и серым шифером, блестящие окна были ромбической формы, двери окрашены под красное дерево. Замысловатые деревянные части были изготовлены в Филадельфии, отправлены водным путем на юг и привезены от реки на воловьих упряжках.

Его предки определенно умели жить. Построили империю, затем передали ее детям. Это делало нынешнее неприятное положение еще более ощутимым.

Хейл не собирался становиться последним в длинной родословной.

Остановив электрокар, он оглядел участок вокруг дома.

Роща в отдалении была тихой, испещренной тенями, небольшие открытые участки земли окрашивало в белый цвет заходящее солнце. Команда держала поместье в превосходном рабочем состоянии. Маслобойня с крышей из пальмовых листьев была превращена в цех. В старой копильне находился центр связи и охранной сигнализации. Наружные уборные давно исчезли, но рубленые бревенчатые сараи сохранились, там хранился фермерский инвентарь. Особенно Хейл гордился беседками, увитыми самым сладким в штате виноградом. Он подумал, здесь ли сейчас кто-то из детей. Они были взрослыми, женатыми, но своих детей пока не завели. Работали в законных предприятиях семейства, знали о своем наследии, но понятия не имели об отцовских обязанностях. Они всегда сохранялись в тайне между отцом и единственным избранным сыном. Его сестра и брат до сих пор ничего не знали о Содружестве. Близились время, когда ему придется избрать преемника и начать готовить его, как в свое время Хейла готовил отец.

Он представил, что происходило в миле отсюда, где три других капитана, главы почтенных семейств, ответили на его вызовы. Приказал себе сдерживаться. В 1835 году Хейлы действовали односторонне, в ущерб остальным. Теперь все обстояло наоборот.

Он нажал на акселератор и поехал дальше.

Покрытая гравием дорога шла вдоль урожайных соевых полей, в густом лесу по другую ее сторону жило множество оленей. Вдали слышался низкий алыт черного дрозда, поющего заключительные строки некоей баллады. Его жизнь всегда проходила под открытым небом. Первые Хейлы приехали в Америку из Англии в 1700 году, путешествие через Атлантику так затянулось, что любимые кролики трижды приносили потомство.

Ему всегда нравилось описание первого Хейла.

Энергичный, умный человек, веселый, обаятельный, обладающий разнообразными способностями.

Джон Хейл прибыл в Чарльзтаун в Южной Каролине в день Рождества. Три дня спустя он отправился на север по тропам, известным только индейцам. Через две недели обнаружил реку Памлико, голубую, окруженную деревьями бухту, и построил там дом. Потом основал порт, защищенный водой от нападений, но морским выходом на восток. Назвал это место Бат, и пять лет спустя город был официально зарегистрирован.

Неизменно инициативный, Джон Хейл строил суда и сколачивал состояние работорговлей. С ростом его богатства и славы рос и Бат, город становился центром мореплавания и рассадником пиратства. Поэтому вполне естественно, что Хейл стал пиратом, грабил английские, французские и испанские суда. В 1717 году, когда король Георг объявил амнистию, даровав прощение тем, кто поклянется не возвращаться к пиратству, Хейл принес торжественную клятву и стал уважаемым плантатором и членом муниципального совета Бата. Его корабли тайно продолжали разбойничать, но грабили только испанские суда, что британцев не волновало. Колонии стали идеальным рынком для скупки и продажи награбленного. По британским законам экспорт в Америку можно было отправлять только на английских судах с английскими матросами – цены и объем товаров были кошмарными. Колониальные торговцы и губернаторы встречали пиратов с распростертыми объятиями, ведь те могли поставлять все необходимое по справедливым ценам. Многие американские порты стали притонами пиратов, Бат среди них был самым заметным и продуктивным. В конце концов, Война за независимость изменила положение вещей и привела к созданию Содружества.

С тех пор эти четыре семейства стали связаны друг с другом.

Чтобы обеспечивать наше единство и отстаивать наше дело, каждый человек получает голос в текущих делах; имеет равное с другими право на свежую провизию и крепкие напитки в любое время захвата и может использовать их по своему желанию. Никто не лучше остальных, и каждый будет вставать на защиту другого.

Эти слова из Статей Хейл принял близко к сердцу.

Он остановил электрокар перед другим домом, с шатровой крышей, фронтонами, мансардными окнами и башней. Дом этот был двухэтажным, с консольным лестничным маршем. Замечательный экстерьер скрывал тот факт, что дом служил тюрьмой.

Он набрал код замка в толстой дубовой двери и открыл защелку. Некогда стены состояли только из дерева и кирпича. Теперь их сделали звуконепроницаемыми по современной технологии. Внутри располагались восемь камер. Не ужасная, но все-таки тюрьма. Пришедшая кстати.

Как несколько дней назад, когда Нокс вышел на цель.

Он поднялся на второй этаж и подошел к железной решетке. Заключенная, сидевшая по другую ее сторону, встала с деревянной скамьи и взглянула на него.

– Уютно? – спросил он. Площадь камеры составляла десять квадратных футов. Достаточно просторная по сравнению с тем, что приходилось выносить его предкам. – Тебе нужно что-нибудь?

– Ключ от двери.

Он улыбнулся.

– Даже будь он у тебя, идти было бы некуда.

– О тебе говорят правду. Ты не патриот, ты нечистый на руку пират.

– Ты уже вторая за сегодня, кто называет меня пиратом.

Заключенная подошла вплотную к решетке. Хейл стоял по другую ее сторону, их разделяло расстояние примерно в фут. Он видел ее грязную одежду, усталое лицо. Ему сообщили, что заключенная почти ничего не ела в последние три дня.

– Всем наплевать, что ты держишь меня здесь, – сказала заключенная.

– Я в этом не уверен. Они еще не поняли, в какой ты опасности.

– Я не из тех, кого берегут.

– Цезаря однажды взяли в плен сицилийские пираты, – произнес он. – Потребовали выкуп в двадцать пять золотых талантов. Цезарь счел, что стоит больше, и потребовал, чтобы они повысили цену до пятидесяти, и выкуп был уплачен. Оказавшись на свободе, он выследил их и перебил до последнего человека, – сделал паузу. – Как думаешь, сколько ты стоишь?

Плевок пролетел сквозь решетку и угодил ему в лицо.

Он закрыл глаза, медленно полез в карман за платком и вытерся.

– Заткни его себе в задницу, – сказала пленница.

Он залез в другой карман и достал зажигалку, посеребренную, с выгравированным именем, подарок от детей на Рождество два года назад. Зажег платок и бросил через решетку прямо в заключенную.

Стефани Нелл, пошатываясь, отступила назад и позволила горячей тряпке упасть на пол, где затоптала пламя, не сводя глаз с Хейла.

Он похитил ее, делая одолжение другому человеку, но в последние два дня думал о том, как использовать Стефани для своих целей. Ее можно было бы даже убить, если сообщение Нокса из Нью-Йорка – что шифр, возможно, разгадан – окажется верным.

Учитывая только что произошедшее, он на это надеялся.

– Уверяю тебя, – сказал он, – ты пожалеешь об этом.

Часть 2

Глава 16

Малоун крепко держался в кресле, когда ВВС-1 оторвался от бетонки и взял курс на юг, обратно в Вашингтон. Все по-прежнему находились в конференц-зале.

– Тяжелый день на службе, дорогой? – спросила его Кассиопея.

Он уловил в ее глазах игривое выражение. Любая другая женщина была бы сейчас сильно раздражена, но Кассиопея реагировала на неожиданности лучше, чем кто-либо из его знакомых. Он вспомнил, как они встретились впервые – во Франции, в Ренне-ле-Шато, темной ночью, когда она выстрелила в него и умчалась на мотоцикле.

– Как всегда, – ответил он. – Время назначенное, только место другое.

Она улыбнулась.

– Ты не увидел замечательное платье.

Перед тем как Малоун ушел из отеля, она сказала ему, что заходила в «Бергдорф Гудмен». Он хотел увидеть ее покупку.

– Извини, что наше свидание не состоялось, – снова сказал он.

Она пожала плечами.

– Смотри, где мы теперь оказались.

– Приятно, в конце концов, встретить тебя, – сказал ей Дэвис. – Мы разминулись в Европе.

– Это путешествие в Нью-Йорк было забавным, – сказал Дэнни Дэниелс. – По крайней мере, насколько позволительно президенту.

Малоун слушал, как Дэниелс объяснял, что близкий друг, поддерживавший его всю жизнь, устраивал прием по поводу выхода в отставку. Дэниелс получил приглашение, но решил присутствовать лишь месяца два назад. Никто за пределами Белого дома не знал об этом путешествии до вчерашнего дня, журналистам сообщили только, что президент посетит Нью-Йорк. Местонахождение, время и продолжительность визита не раскрывались. В «Чиприани» гости проходили бы через металлодетектор. Секретная служба никого не информировала и даже прессу держала в неведении до последней минуты, поэтому сочла, что путешествие будет совершенно безопасным.

– Каждый раз то же самое, – сказал Дэниелс. – Каждое убийство или покушение происходило из-за просчетов. У Линкольна, Мак-Кинли и Гарфилда не было охраны. Подходи и стреляй. Кеннеди отказался от охраны по политическим причинам. Хотели, чтобы он был как можно ближе к людям. И объявили, что он будет ехать по людной улице в открытой машине. «Выходите посмотреть на президента». – Дэниелс покачал головой. – Рейган получил ранение только потому, что ряды его охранников нарушились. Вечно чей-нибудь просчет. На сей раз мой.

Малоун удивился этому признанию.

– Я настоял на этом путешествии. Сказал всем, что оно пройдет отлично. Секретная служба приняла несколько предосторожностей, хотела принять и еще. Но я запретил.

ВВС-1 закончил набор высоты и перешел в горизонтальный полет. Заложенность ушей у Малоуна прошла.

– Кто знал, когда вы отправляетесь в путь? – спросила Кассиопея.

– Мало кто, – ответил Дэниелс.

Малоуну этот ответ показался странным.

– Как ты оказался в том номере отеля? – спросил его президент.

Малоун рассказал об электронной почте Стефани, о ключе-карточке, оставленном ему в отеле «Сент-Реджис», и о том, что обнаружил. Кассиопея протянула ему записку из конверта.

Дэниелс сделал знак Дэвису, тот достал из кармана портативный магнитофон и пустил его по столешнице.

– Это запись защищенного радиосообщения после стрельбы, когда ты старался выйти из «Хайата», – сказал Дэвис.

Дэниелс включил магнитофон.

Внимание всем агентам. Подозреваемый одет в светло-голубую, застегивающуюся донизу рубашку, светлые брюки, сейчас он без пиджака, выходит из главного вестибюля в туннель, ведущий в Большой центральный вокзал. Я иду в этом направлении.

Президент выключил запись.

– Этого никто не мог знать, – сказал Малоун.

– Никто из наших агентов не отправлял этого сообщения, – сказал Дэвис. – И, как ты знаешь, эти частоты неизвестны широкой публике.

– Узнаешь этот голос? – спросил Дэниелс.

– Трудно сказать. Помехи и рация многое искажают. Но что-то знакомое в нем есть.

– Похоже, у тебя есть поклонник, – сказала Кассиопея.

– И тебя предали, – объяснил Дэниелс. – Как и нас.

* * *

Уайетта провезли мимо Коламбус-Серкл к Верхнему Вест-Сайду Манхэттена, менее перенаселенному району с причудливыми лавочками и облицованными кирпичом жилыми домами. Проводили на второй этаж одного из этих домов, в просторную, скудно обставленную квартиру, окна ее были закрыты деревянными жалюзи. Он предположил, что это какое-то убежище.

Его ждали двое.

Оба были заместителями директоров – один ЦРУ, другой АНБ. Лицо заместителя директора Управления национальной безопасности он знал, кем являлся другой, просто догадался. Ни тот, ни другой, похоже, не были рады его видеть. Он остался с ними наедине, те двое, что привели его, ждали в лифтовом холле.

– Скажешь нам, что делал сегодня? – спросил церэушник. – Как оказался в «Гранд-Хайате»?

Уайетт ненавидел все, связанное с Центральным разведывательным управлением. Он только время от времени работал на них, потому что они хорошо платили.

– Кто говорит, что я был там?

Задавший вопрос беспокойно расхаживал по комнате.

– Не юли с нами, Уайетт. Ты был. Почему?

Любопытно, что оба хорошо знали некоторые из его дел.

– Ты направил туда Малоуна? – спросил нацбез.

– Почему вы так думаете?

Церэушник достал карманный магнитофон, включил его. Уайетт услышал свой голос, сообщавший секретной службе, что Малоун идет в Большой центральный вокзал.

– Спрашиваю еще раз. Малоун твоя идея?

– Похоже, удачно, что он оказался там.

– А что, если бы он не смог остановить происходившее? – спросил нацбез.

Уайетт ответил им так же, как Карбонель: «Этого не случилось». И ничего больше объяснять этим идиотам не собирался. Но его мучило любопытство.

– А почему вы не вмешались? Вы явно были там.

– Мы ничего не знали, – выкрикнул цэрэушник. – Мы весь день разрывались на части. Уайетт пожал плечами.

– И не разорвались?

– Дерзкий сукин сын, – возмутился цэрэушник. Голос его был все еще громким. – Вы с Карбонель вмешиваетесь в наши дела. Пытаетесь спасти это гнусное Содружество.

– Вы путаете меня с кем-то.

Он решил последовать совету Карбонель и поиграть завтра в гольф. Ему хотелось получить удовольствие от игры, а поле в его закрытом клубе было превосходным.

– Мы знаем все о тебе и Малоуне, – выпалил нацбез.

Он казался значительно спокойнее цэрэушника, но все же выглядел обеспокоенно. Уайетт знал, что АНБ выделяют миллиарды из ежегодного бюджета разведслужб. Управление занималось всем, даже тайным прослушиванием почти всех телефонных разговоров с заграницей.

– Малоун был главным свидетелем против тебя на административных слушаниях, – продолжал нацбез. – Ты оглушил его, чтобы иметь возможность приказать трем людям вступить в перестрелку. Двое из них погибли. Малоун выдвинул против тебя обвинение. Что выяснилось? *Ненужный риск, предпринятый с пренебрежением к жизни.* Тебя уволили. Двадцатилетняя служба пошла прахом. Ни пенсии. Ничего. Полагаю, у тебя есть кое-какой счет к Коттону Малоуну.

Цэрэушник ткнул в его сторону пальцем.

– Что, Карбонель наняла тебя с целью оказать помощь Содруеству? Попытаться спасти их шкуры?

Уайетт почти ничего не знал о Содруестве, кроме скудных сведений из досье. Все они касались попытки убийства президента, сведений общего характера почти не было. Он был осведомлен о Клиффорде Ноксе, квартирмейстере этой организации, который, видимо, управлял покушением на Дэниелса. Видел, как Нокс в течение нескольких дней ходил по «Гранд-Хайату», готовя оружие, ждал, когда он уйдет, чтобы проверить их работу и оставить записку Малоуну.

– Это пираты Содруества пытались убить Дэниелса? – спросил нацбез. – Ты знаешь, кто устанавливал это оружие, так ведь?

Поскольку Уайетт сомневался, что след этих автоматических установок ведет за пределы «Гранд-Хайата», становиться главным обвинителем пиратов он не хотел. Но его безотлагательная проблема была более серьезной. Очевидно, его угораздило впутаться в своеобразную гражданскую войну шпионов. ЦРУ и АНБ явно не ладили с НРА, и причиной этой ссоры было Содружество. Ничего нового. Органы разведки редко сотрудничают друг с другом.

Однако эта вражда казалась иной.

Более личной.

И это его беспокоило.

Глава 17

Бат, Северная Каролина

Хейл вошел в дом, все еще кипя после оскорбления, полученного от Стефани Нелл. Прямо-таки последний пример продолжающейся неблагодарности Америки. Содружество столько сделало для этой страны, и во время Войны за независимость, и после, а он получил плевков.

Он остановился в вестибюле у основания главной лестницы и собрался с мыслями. Перед домом секретарь сказал ему, что остальные три капитана уже здесь. Дело с ними следовало вести осторожно. Хейл посмотрел на один из холстов, висевших на обшитых дубовыми панелями стенах, – портрет своего прапрадеда, который жил на этой земле и тоже нападал на президента.

Абнера Хейла.

Но в середине девятнадцатого столетия выжить было гораздо легче, мир казался намного просторнее. Можно было бесследно скрыться. Он часто представлял себе, каково это – бороздить океаны, странствуя, по словам одного из хроникеров, *аки львы рыкающие, ищущие, кого бы сожрать*. Непредсказуемая жизнь в бурном море, без семьи, без всяких привязанностей, соблюдая лишь немногие правила помимо тех, на которые все находящиеся на борту согласились в Статьях.

Хейл сделал несколько глубоких вдохов, привел одежду в порядок, пошел по коридору и свернул в библиотеку – просторный прямоугольник со сводчатым потолком и целой стеной окон, выходящих на плодовые сады. Он перестроил это помещение десять лет назад, убрав из него большинство напоминаний об отце и старательно избегая духа английского загородного поместья.

Закрыв двери библиотеки, он взглянул на троих человек, сидящих в мягких, обитых бордовым бархатом креслах.

На Чарльза Когберна, Эдварда Болтона и Джона Суркофа.

Все были подтянутыми, двое с усами, все щурили глаза от солнца. Это были моряки, как и он, подписавшие Статьи Соглашения Содружества, главы уважаемых семейств, связанные друг с другом священной клятвой. Он представил себе, что у них сводит живот, как у Абнера Хейла в 1835 году, когда он тоже поступил опрометчиво.

Начать он решил с вопроса, ответ на который уже знал.

– Где квартирмейстер?

– В Нью-Йорке, – ответил Когберн. – Занят спасательными мерами.

Отлично. По крайней мере, они решили быть откровенными с ним. Два месяца назад он сообщил им о необъявленном путешествии Дэниелса в Нью-Йорк, надеясь, что возможность представится. Они долго обсуждали предполагаемый курс, потом проголосовали.

– Незачем говорить то, что уже известно. Мы решили этого не делать.

– Мы передумали, – сказал Болтон.

– Наверняка по твоей инициативе.

Болтоны всегда проявляли неразумную агрессию. Их предки помогли в 1607 году основать Джеймстаун, потом нажили состояние, снабжая новую колонию. В один из рейсов они привезли новый сорт табака, оказавшийся для колонии милостью божией: он буйно рос на песчаных почвах и стал наиболее ценным экспортным товаром Виргинии. Потомки Болтона в итоге осели в Каролине, в Бате, стали сперва пиратами, потом каперами.

– Я думал, этот ход решит наши проблемы, – произнес Болтон. – Вице-президент оставил бы нас в покое.

Ему пришлось сказать:

– Вы не представляете, что произошло бы, *если бы* вы преуспели.

– Квентин, я знаю только, – заговорил Джон Суркоф, – что рискую оказаться в тюрьме и потерять все, чем владеет моя семья. Я не собираюсь сидеть сложа руки в ожидании этого. Хотя мы и потерпели неудачу, но сегодня сделали предостережение.

– Кому? Вы собираетесь взять на себя ответственность за это деяние? Кто-нибудь в Белом доме знает, что вы трое санкционировали это убийство? Если да, долго ли собираетесь оставаться на свободе?

Все промолчали.

– Это была нелепая мысль, – сказал Хейл. – Сейчас не восемьсот тридцать пятый год, даже не девятьсот шестьдесят третий. Это новый мир с новыми правилами.

Он напомнил себе, что фамильная история Суркофа отличается от остальных. Они начали как судостроители, иммигрировав в Каролину вскоре после того, как Джон Хейл основал Бат. Суркофы значительно финансировали расширение города, реинвестируя свои доходы в общину и помогая городу расти. Несколько человек из них стали губернаторами колоний. Другие вышли в море, управляя шлюпами. Начало восемнадцатого столетия стало золотым веком для пиратов, и Суркофы пожали свою долю награбленного. В конце концов, они, как и остальные, легализовались, став каперами. В начале девятнадцатого века произошла любопытная история, когда деньги Суркофов помогали финансировать Наполеоновские войны. Обладавший дружескими связями Суркоф, живший тогда в Париже, спросил императора, можно ли построить в одном из своих имений террасу, вымощенную французскими монетами. Наполеон отказал, не желая, чтобы люди ходили по его изображению. Не потерявший присутствия духа Суркоф все-таки выстроил террасу, но монеты поставил на ребро, что решило проблему. К сожалению, потомки Суркофа поступали с деньгами так же неразумно.

– Послушайте, – сказал Хейл, смягчив голос. – Я понимаю ваше беспокойство. Мне его тоже хватает. Но мы будем заодно.

– Они знают обо всех счетах, – негромко сказал Когберн. – Все мои швейцарские банки раскололись.

– Мои тоже, – добавил Болтон.

В общей сложности несколько миллиардов долларов лежали на их депозитах за границей, из этих денег не было выплачено ни единого цента подоходного налога. Каждый из четверых получил письмо от федерального прокурора с извещением, что он становится объектом уголовного расследования. Хейл предположил, что четыре отдельных расследования – вместо одного – избраны, чтобы разделить их возможности, восстановить друг против друга.

Но прокуроры недооценили силу, которой обладало Соглашение.

Корни Содружества находились в пиратском сообществе. Разумеется, оно являлось грубым, дерзким и грабительским, но обладало законами. Пиратские содружества были организованными, нацеленными на выгоду и общий успех, неизменно предприимчивыми. Адам Смит справедливо заметил: *«Если у грабителей и убийц существует какое-то сообщество, они должны, по крайней мере, воздерживаться от убийств и грабежей друг друга»*.

Пираты так и поступали.

Так называемый пиратский кодекс требовал, чтобы перед каждым выходом в море зачитывалось Соглашение, где обуславливались правила поведения, наказания и дележа добычи между командным составом и матросами. Каждый клялся на Библии соблюдать Статьи Соглашения. Выпив рома, смешанного с порохом, они расписывались на полях, но не под последней строкой, чтобы было ясно – никто, даже капитан, не значит больше остальных. Договор требовал единодушного одобрения, несогласные были вольны искать лучших условий. Когда пиратские корабли объединялись, составлялся новый договор о партнерстве.

Таким же образом было создано Содружество. Четыре семейства объединились для стремления к единой цели.

Предательство команды или друг друга, дезертирство или отказ сражаться в бою караются так, как квартирмейстер или большинство сочтут заслуженным.

Никто не нападал на другого.

Или в крайнем случае не доживал до того, чтобы воспользоваться выгодой.

– Мои бухгалтеры в осаде, – сказал Болтон.

– Разделайся с ними, – сказал Хейл. – Нужно было убивать их, а не президента.

– Мне это нелегко, – сказал Когберн.

Хейл посмотрел на партнера в упор.

– Чарльз, убивать всегда нелегко. Но иногда это нужно делать. Главное, выбрать подходящее время и способ.

Когберн не ответил. Он и остальные явно выбрали неподходящее время.

– Квартирмейстер наверняка сделал свое дело, – сказал Суркоф, пытаясь снять напряжение. – Ничто не выведет на нас. Но все равно у нас есть проблема.

Хейл подошел к английскому столику из бамбука у стены, обшитой сосновыми панелями. Ничего подобного не должно было произойти. Но, может, замысел заключался именно в этом. Прибегнуть к угрозе уголовного преследования, а потом ждать, что последует, когда наступит страх. Может, рассчитывали, что они покончат с собой, избавят всех от хлопот с судом и тюремным заключением. Но, разумеется, никто не думал, что президента США попытаются убить.

Его дипломатия оказалась неудачной. Унижение от поездки в Белый дом было еще свежо в памяти. Визит Абнера Хейла в 1834 году тоже оказался неудачным. Но он собирался учиться на ошибках своего предка, не повторять их.

– Что будем делать? – спросил Когберн. – Мы уже почти у конца доски.

Хейл улыбнулся этому стереотипному представлению, что человека с завязанными глазами заставляли идти по выступающей в море доске. В действительности это наказание применяли только слабые духом капитаны, избегавшие кровопролития или хотевшие убедить себя, что не повинны в смерти другого человека. Смелые, дерзкие авантюристы, оставившие после себе легенды, которые без конца пересказываются в бесчисленных книгах и фильмах, не боялись смущать пристальным взглядом врага даже перед лицом смерти.

– Мы поднимем флаг, – сказал Хейл.

Глава 18

BBC-1

Кассиопея слушала объяснение Дэнни Дэниелса о том, как человек, чей голос записан на магнитофонную пленку, оповестил всех, где искать Коттона.

– Он наверняка был там, – сказал Малоун. – В вестибюле «Гранд-Хайата». Иначе он не мог бы видеть, куда я иду. Когда я выходил, отель очищали.

– Наш таинственный человек еще знал, что сказать и как, – заметил Дэвис.

Кассиопея поняла скрытый смысл. Причастен был кто-то из своих или знавший все о своих. Она заметила выражение глаз Дэниелса, которое уже видела – в Кэмп-Дэвиде, вместе со Стефани, – говорившее, что этот человек знает больше.

Дэниелс кивнул своему главе аппарата.

– Расскажи.

– Около полугода назад я принимал посетителя в Белом доме.

Дэвис смотрел на человека, сидящего по другую сторону стола. Ему было известно, что этому человеку пятьдесят пять лет, что он американец в четвертом поколении, что его предки появились в стране еще до Войны за независимость. Он был высоким, с блестящими зелеными глазами и темным подбородком, выглядевшим крепким, как броня. Лысину окаймлял полумесяц густых, длинных серебристо-черных волос, зачесанных назад, похожих на гриву стареющего льва. Зубы сверкали, как жемчуг, вид их портило лишь отсутствие передних двух. На нем был дорогой костюм, сидящий так же свободно, как звучал его голос.

Квентин Хейл руководил громадной корпоративной империей, куда входили производство, банковское дело и розничная торговля. Он был одним из самых крупных землевладельцев в стране, владел торговыми улицами и административными зданиями почти во всех больших городах. Его собственный капитал исчислялся в миллиардах, и он постоянно находился в форбсовском списке самых богатых людей. Он также поддерживал президента, внес по несколько сотен тысяч долларов в обе кампании, что давало ему право лично встречаться с главой аппарата Белого дома.

Но Дэвиса потрясло то, что он услышал.

– Значит, вы пират?

– Капер.

Дэвис знал разницу. Первый являлся преступником, второй же находился в рамках закона и по официальному разрешению правительства нападал на его врагов.

– Во время Войны за независимость, – говорил Хейл, – в Континентальном³ военном флоте было шестьдесят четыре боевых корабля. Они захватили сто девяносто шесть судов противника. Вместе с тем было семьсот девяносто два капера, санкционированных Континентальным конгрессом, которые захватили или уничтожили шестьсот британских судов. Во время Войны восемьсот двенадцатого года положение стало еще более впечатляющим. Всего двадцать три военных корабля, захвачено двести пятьдесят четыре судна противника. Вместе с тем пятьсот семнадцать санкционированных конгрессом каперов захватили тысячу триста судов. Сами видите, какую службу мы сослужили стране.

Дэвис видел, но не мог понять, к чему он клонит.

– Войну за независимость выиграла не Континентальная армия, – продолжал Хейл. – Ход войны изменило разорение английской торговли. Каперы перенесли войну через Атлан-

³ Континентальный (ист.) – относящийся к английским колониям в Северной Америке.

тику к английским берегам и держали их в постоянной тревоге. Мы угрожали судоходству в их гаванях и едва не остановили торговлю. Это вызвало у торговцев панику. Страховые ставки на суда так поднялись, что британцы начали пользоваться французскими судами для транспортировки своих товаров, ранее это было неслыханно.

Дэвис уловил в его рассказе оттенок благородной горделивости.

– В конце концов, эти торговцы вынудили короля Георга прекратить бои в Америке. Вот почему окончилась та война. История ясно показывает, что без каперов Америка не одержала бы победы. Сам Джордж Вашингтон публично признавал это не один раз.

– Какое отношение имеет это к вам? – спросил Дэвис.

– Мой предок был одним из каперов. Вместе с тремя другими семействами мы во время Войны за независимость спустили на воду много кораблей и организовали остальных каперов в сплоченную боевую единицу. Кто-то должен был координировать их действия. Это делали мы.

Дэвис принялся вспоминать. Хейл говорил правду. У капера было свидетельство, разрешающее грабить врагов страны, не опасаясь судебного преследования. Поэтому Дэвис спросил:

– Ваше семейство имело свидетельство?

Хейл кивнул.

– Имело и имеет до сих пор. Я привез его.

Посетитель полез в карман пиджака и вынул сложенный лист бумаги. Дэвис раскрыл его и увидел фотокопию документа двухсотлетней давности. Большая часть текста была напечатана, кое-что было вписано от руки:

ДЖОРДЖ ВАШИНГТОН,

Президент Соединенных штатов Америки

Всем, кто увидит этот документ, приветствие:

Доводится до вашего сведения, что на основании акта Конгресса Соединенных Штатов по делу, представленному и рассмотренному девятого февраля тысяча семьсот девяносто третьего года, я принял решение и этим документом облакаю каперскими полномочиями Арчибальда Хейла. Даю право и разрешение вышеназванному лицу, его заместителям, лицам командного состава и команде захватывать, отторгать и присваивать всю собственность и достояние всевозможных врагов Соединенных Штатов Америки. Вся захваченная добыча, в том числе снаряжение, пушки, приспособления, товары, имущество, боеприпасы и драгоценности будут принадлежать получателю этого разрешения после выплаты суммы, равной двадцати процентам стоимости захваченного, правительству Соединенных Штатов Америки. Для вящего поощрения этих смелых и продолжительных нападений на упомянутых выше врагов с той решимостью, какую все мы выказали в недавнем конфликте, вышеназванный Арчибальд Хейл освобождается от всех регулирующих и финансовых законов как Соединенных Штатов, так и всякого штата, которые могут нанести ущерб или воспрепятствовать всяческим агрессивным действиям за исключением умышленного убийства. Документ является бессрчным и будет иметь юридическую силу для блага каждого из потомков вышеназванного Арчибальда Хейла.

Дано за моей подписью и Государственной печатью Соединенных штатов Америки в Филадельфии девятого февраля в год Господа нашего

тысяча семьсот девяносто третий и независимости вышеуказанных Штатов двадцать седьмой.

Джордж Вашингтон

Дэвис поднял глаза от страницы.

– *Ваше семейство, в сущности, имеет разрешение Соединенных Штатов грабить наших врагов? Освобождено от закона?*

Хейл кивнул.

– *Дано признательной страной в благодарность за все, что мы сделали. Три других семейства тоже имеют каперские свидетельства от президента Вашингтона.*

– *И что вы делали с этим разрешением?*

– *Мы участвовали в Войне тысяча восемьсот двенадцатого года и помогли довести ее до конца. Участвовали в Гражданской войне, испано-американской войне и обеих мировых войнах. Когда после Второй мировой войны было создано национальное разведывательное сообщество, нас призвали оказывать ему помощь. В последние двадцать лет мы беспокоили Ближний Восток, подрывали финансовую деятельность, похищали средства, препятствовали фондам и прибылям. Делали все, что нужно. Ясно, что в настоящее время у нас нет иллюзий. Поэтому вместо того, чтобы выходить в море на боевых кораблях, мы совершаем компьютерные путешествия или работаем через существующие финансовые системы. Но, как видите, каперское свидетельство не ограничивается кораблями.*

– *Да, не ограничивалось.*

– *И временем.*

Дэвис поднялся и потянулся к полке за брошюрой, озаглавленной «Конституция Соединенных Штатов».

Увидев заглавие, Хейл сказал:

– *Статья первая, раздел восьмой.*

Этот человек прочел его мысли. Он искал юридическое основание и нашел его там, где сказал Хейл.

Конгресс имеет право объявлять войну, выдавать каперские свидетельства и разрешения на репрессалии и устанавливать правила захвата трофеев на суше и на воде.

– *Каперские свидетельства существовали с тысяча двухсотого года, – сказал Хейл. – Первое известное использование было при Эдуарде Третьем в триста пятьдесят четвертом году. Считалось почетным совмещать патриотизм с выгодой. В отличие от пиратов, которые всего лишь разбойники.*

Это объяснение было интересным.

– *В течение пятисот лет каперство процветало, – продолжал Хейл. – Один из самых знаменитых каперов – Фрэнсис Дрейк, он грабил испанские суда для Елизаветы Первой. Европейские правительства традиционно выдавали каперские свидетельства не только в военное, но и в мирное время. Это было так распространено, что отцы-основатели специально дали конгрессу право выдавать подобные свидетельства, и люди одобрили это, когда конституцию ратифицировали. К этому документу было принято двадцать семь поправок, но каперское право не было модифицировано или отменено.*

Хейл, казалось, не столько нападал на своих слушателей, сколько убеждал их. Вместо того чтобы выкрикнуть свое намерение, он понизил голос, демонстрируя сосредоточенное внимание.

Дэвис поднял полуразжатую руку, собираясь сказать что-то, но передумал, когда прагматик в нем дал о себе знать.

– *Чего вы хотите?*

– *Каперское свидетельство дает его обладателю юридическую защиту. Наши требования в этом отношении очень конкретны. Мы только хотим, чтобы правительство держало свое слово.*

– Он треклятый пират, – выпалил Дэниелс. – И те трое тоже.

Малоун кивнул.

– «Каперство – питомник для пиратов». Это высказывание не мое, а капитана Чарльза Джонсона. В восемнадцатом веке он написал книгу «Всеобщая история грабежей и смертоубийств, учиненных самыми знаменитыми пиратами». В свое время она пользовалась большим спросом и до сих пор переиздается. Первое издание стоит громадных денег. Это одно из лучших исторических свидетельств о жизни пиратов.

Кассиопея покачала головой.

– Не знала об этом твоём интересе.

– Кто же не любит пиратов? Они объявили войну всему миру. В течение столетия своёвольно нападали и грабили, потом исчезли, почти не оставив свидетельств о своём существовании. Хейл прав в одном. Если бы не каперы, Америка вряд ли бы существовала.

– Признаюсь, – заговорил Дэниелс, – я понятия не имел, как много сделали для нас эти авантюристы. Среди каперов было много смелых и честных людей. Они отдавали свои жизни, и, очевидно, Вашингтон чувствовал себя обязанным им. Только наша веселая банда теперь не так благородна. Как бы эти люди ни именовали себя, они самые настоящие пираты. Однако, как ни удивительно, конгресс в семьсот девяносто третьем году санкционировал их существование. Готов держать пари, не так уж много американцев знает, что это допустила конституция.

Они замолчали. Президент, казалось, пребывал в задумчивости.

– Расскажи им остальное, – сказал он Дэвису.

– Когда Война за независимость закончилась, Арчибальд Хейл и трое его земляков образовали Содружество. Используя каперские свидетельства, они набивали карманы. Вместе с тем пополняли казну, выплачивали установленные двадцать процентов новому национальному правительству. Об этом тоже большинство американцев наверняка не имеет понятия. Мы получали деньги от этих разбойников. Что до нынешней шайки, подоходные налоги не соответствуют их образу жизни. И надо признать, за последние двадцать лет их талантами пользовалось наше разведывательное сообщество. Они ухитрялись наносить кое-какой ущерб Ближнему Востоку, грабили финансовые счета, крали средства, девальвировали компании, доходы которых переводились экстремистам. Они хорошо знают свое дело. Даже слишком хорошо. Не знают только, когда остановиться.

– Позвольте мне догадаться, – сказал Малоун. – Они начали грабить те страны, которые мы предпочли бы оставить в покое.

– Нечто в этом роде, – сказал Дэниелс. – С выбором направления у них неважно. Надеюсь, вы понимаете, что я имею в виду.

– Между Содружеством и ЦРУ возникла ссора, – продолжал Дэвис. – Последней соломинкой стали беспокойства в Дубае и его финансовые проблемы. ЦРУ решило, что весь этот хаос в основном организовало Содружество. Поскольку национальный долг Дубая значительно вырос, Содружество прибрало к рукам лучшие активы, купив их по несколько центов за доллар. Кроме того, эти люди сорвали некоторые реструктуризации долгов, которые государства в том регионе предлагали для ликвидации кризиса. В общем, были невыносимы. Но мы не могли допустить разорения Дубая. Это одна из немногих умеренных сил того региона. В некотором роде союзник. Содружеству велели прекратить, оно ответило согласием, но продолжило свое дело. Поэтому ЦРУ напустило на них налоговое управление. Оно прижало швейцарцев, те раскололись и предоставили сведения о счетах всех четверых членов

нынешнего Содружества. Оказалось, что каждый из них владеет сокрытыми от налогообложения сотнями миллионов. Если действовать правильно, мы сможем конфисковать эти активы, которые в общей сложности составляют миллиарды.

– Этого достаточно, чтобы заставить пиратскую шайку нервничать всерьез, – сказал Коттон.

Дэвис кивнул.

– Хейл пришел ко мне и попросил защиты на основании своего каперского свидетельства. И он прав. Свидетельство предоставляет им иммунитет от всех законов, кроме ответственности за убийство. Юрист Белого дома говорит, что свидетельство имеет юридическую силу. Конституция США его легализовала, и само свидетельство упомянуто в акте конгресса, утвердившего его.

– Тогда почему оно не соблюдается? – спросила Кассиопея.

– Потому что, – ответил президент, – Эндрю Джексон сделал это невозможным.

Глава 19

Нью-Йорк

Уайетту не понравилось напоминание о его увольнении. В самом деле, обвинения против него выдвинул Малоун, состоялось слушание, и трое бюрократов от среднего до высшего уровня, не оперативники, решили, что его действия были неоправданными.

– *Я должен был отстреливаться вдвоем с Малоуном?* – спросил он у трибунала. – *Он и я, в надежде, что нам удастся спастись, а трое агентов тем временем ждали бы снаружи?*

Уайетт счел этот вопрос справедливым и почти ничего больше не говорил на протяжении всего слушания, но трибунал принял суждение Малоуна, что эти люди были использованы как мишени, а не как защита. Он знал о полудюжине агентов, которые пожертвовали собой по менее значительной причине. Неудивительно, что разведывательное сообщество изобилует проблемами. Создается впечатление, что все стараются быть скорее правыми, чем эффективными.

Не имея выбора, он принял увольнение и ушел.

Но это не значило, что он забыл о своем обвинителе. Да, эти люди правы. У него есть счет к Малоуну.

И сегодня он пытался свести с ним этот счет.

– Ты понимаешь, что с Карбонель, можно сказать, покончено? – спросил нацбез. – От НРА никакого проку. Они больше никому не нужны.

– Содружество тоже сходит со сцены, – объяснил церэушник. – Наши современные пираты будут доживать свои дни в федеральной тюрьме, где им самое место. А ты так и не ответил на вопрос. Были пираты повинны в том, что произошло сегодня?

Досье, составленное Карбонель на Содружество, содержало краткие сведения о четырех капитанах, при этом отмечалось, что они последние из племени авантюристов восемнадцатого века, прямые потомки пиратов и каперов. Выдержка из их психологических профилей объясняла, что моряк военного флота уходил в море, зная, что в случае победы его ждут награды в форме похвалы и продвижения по службе. Даже в случае гибели история увековечит его подвиги. Однако требовалось необычайное мужество для встречи с опасностью, когда человек понимал, что никто не узнает о его геройстве. А если потерпит неудачу, большинство будет посмеиваться над его бедой.

Каперы действовали в тех и других условиях.

При удаче наградой становилась часть добычи. Если они отклонялись от своего каперского свидетельства, то становились пиратами, и их вешали. Капер мог захватить самый грозный крейсер короля Англии, и об этом вряд ли стало бы известно. Если его настигали смерть или увечье – не повезло.

Они были предоставлены сами себе.

Легко понять, подводился в документе итог, почему они так вольно обходились с правилами.

Нацбез подошел ближе.

– Ты вызвал Малоуна, затем повел его прямо в ловушку. Ты знал, что именно там произойдет. Хотел, чтобы кто-нибудь застрелил его, так ведь? Что случилось, Уайетт, потерял вкус к убийству?

Сохраняя спокойствие, он спросил:

– Мы закончили?

– Да. С тобой закончено, – сказал церэушник. – Здесь. Но раз ты не хочешь ничего нам говорить, у нас есть люди, более удачливые в получении ответов.

Уайетт наблюдал, как они переминаются с ноги на ногу, желая, чтобы он признал их преимущество. Может, угроза более сурового допроса должна была испугать его. Интересно, почему они решили, что такая тактика сработает. К счастью, он положил в иностранные банки достаточно не облагаемых налогом денег, чтобы жить безбедно до самой смерти. И от этих людей ему ничего не требовалось. В этом было преимущество получения денег из черного бюджета – не по платежной ведомости.

Поэтому он обдумывал свои возможности.

Уайетт полагал, что те, кто привел его сюда, находятся за дверью. За окном с противоположной стороны комнаты наверняка была пожарная лестница. Они есть во всех старых зданиях.

Убрать тихо этих двоих или поднять шум и уложить всех четверых?

– Ты пойдешь с нами, – сказал нацбез. – Карбонель придется многое объяснять, а ты станешь главным свидетелем обвинения. Человек, который может противоречить ей, лжет.

– Думаете, я действительно это сделаю?

– Сделаешь все необходимое, чтобы спасти свою шкуру.

Странно, как плохо они его знают.

Какой-то механизм глубоко внутри брал над ним власть, и он не стал сопротивляться.

Поворот корпуса, и его правый кулак угодил в горло церэушнику. Потом он ударом ноги в грудь заставил нацбеза согнуться, стараясь не потерять равновесия. Пока один силился сделать вдох, он коротко рубанул нацбеза ребром ладони по шее, остановил руками его падение и мягко уложил потерявшего сознание на пол.

Потом зашел за спину церэушнику и взял в обхват его шею.

– Могу задушить тебя насмерть, – прошептал Уайетт ему на ухо.

И, скрипнув зубами, усилил нажим на дыхательное горло.

– Будет приятно видеть, как ты сделаешь последний вдох.

Крепче.

– Слушай меня, – сказал Уайетт. – Не вставай. На моем. Пути.

Церэушник потянулся к его руке.

Он усилил захват.

– Слышишь меня?

Наконец этот человек кивнул, потом нехватка кислорода лишила сил его мышцы.

Уайетт разжал захват.

Тело почти беззвучно опустилось на пол.

Уайетт проверил пульс у обоих. Слабо, но бился. Дыхание было неглубоким, но постоянным.

Он подошел к окну, открыл его и вылез.

* * *

Малоун ждал, чтобы Дэниелс с Дэвисом объяснили, что случилось со Стефани. Но при этом понимал, что президенту нужно многое сказать. Поскольку они находились на высоте тридцать тысяч футов и уйти было некуда, он решил сидеть и слушать рассказ Дэниелса о том, что произошло весной 1835 года.

– Из-за попытки убийства Джексон пришел в ярость, – говорил президент. – Открыто обвинил сенатора Пойндекстера от штата Миссисипи, назвал все произошедшее заговором нуллификаторов. Он ненавидел Джона Кэлхуна. Называл его предателем Союза штатов. Понять это я могу.

Кэлхун был вице-президентом при Джеконе, поначалу активно поддерживал его. Но, видя все возрастающую симпатию к южным штатам, отвернулся от своего благодетеля и создал партию нуллификаторов, защищающую права штатов, особенно южных. Дэниелс тоже испытал на себе предательства вице-президентов.

– Джексон уже имел дело с пиратами, – продолжал Дэниелс. – Жан Лафит понравился ему в Новом Орлеане. Они вместе спасли этот город в восемьсот пятнадцатом году.

– Почему вы называете этих людей пиратами? – спросила Кассиопея. – Почему не каперами? Уполномоченными Америкой нападать на ее врагов?

– Они были каперами, и, если бы ограничивались только этим, наверно, все было бы хорошо. Но когда они получали бессрочное каперское свидетельство, то становились ужасом на воде.

Малоун слушал, как Дэниелс объяснял, что во время Войны за независимость Содружество работало на благо обеих сторон конфликта.

– Я видел засекреченные документы того времени, – говорил Дэниелс. – Линкольн ненавидел Содружество. Собирался привлечь их всех к суду. К тому времени благодаря Парижской декларации восемьсот пятьдесят шестого года каперство стало противозаконным. Но есть проблема. Этот договор подписали только пятьдесят два государства. Испания и Соединенные Штаты отказались.

– Значит, Содружество продолжало действовать? – спросила Кассиопея. – Использовало эту оплошность для собственной выгоды?

Дэниелс кивнул.

– Конституция принимает во внимание каперские свидетельства. Поскольку Соединенные Штаты не отказались от каперства подписанием этого договора, здесь оно было, в сущности, легальным. И хотя мы не подписали его, во время испано-американской войны обе стороны согласились соблюдать принципы этого договора. Однако Содружество не признало этого соглашения и нападало на испанские суда. Это так сердило Уильяма Мак-Кинли⁴, что в восемьсот девяносто девятом году он вынудил конгресс принять закон, запрещающий захватывать суда и делить захваченную добычу.

– Что ничего не значило для Содружества, – сказал Малоун. – Каперские свидетельства давали им иммунитет от этого закона.

Дэниелс ткнул в его сторону пальцем.

– Теперь ты начинаешь понимать эту проблему.

– Кто-то из президентов, – заговорил Дэвис, – использовал Содружество в своих интересах, кто-то боролся с ним, большинство не обращало на него внимания. Однако все скрывали от общества, что Джордж Вашингтон и правительство Соединенных Штатов санкционировали его деятельность. И что от его деятельности пополнялась казна. Большинство позволяло ему вести себя как угодно.

– Что возвращает нас обратно к Джекону, – сказал Дэниелс. – Он единственный, кто не считался с каперским свидетельством.

Дэвис полез рукой под стол и нащупал кожаную сумку. Вынул из нее лист бумаги и придвинул Малоуну.

– Это письмо, – сообщил президент, – Джексон написал Абнеру Хейлу, который в восемьсот тридцать пятом году был одним из четверых членов Содружества. Копию его хранили в тайнике для президентских документов, который оставался опечатанным в Национальном архиве. Документов, доступ к которым могло получить всего несколько человек. Эдвин нашел его.

– Я не знал, что существует такое хранилище, – сказал Малоун.

⁴ Президент США в 1897–1901 годах.

– Не знали и мы, пока не начали искать, – заговорил президент. – Я не первый прочел это письмо. В архиве есть регистрационный журнал. Это письмо читали многие президенты. Но долгое время не видел никто. Последним был Кеннеди. Он отправил своего брата Бобби взглянуть на него. – Президент указал на страницу. – Как видите, Абнер Хейл подослал убийцу к Джексону. По крайней мере, Джексон так считал.

Малоун прочел страницу, передал Кассиопее и спросил:

– Абнер – родственник Квентина Хейла?

– Прапрадед, – ответил Дэниелс. – Вот такое у них фамильное древо.

Малоун улыбнулся.

– Эндрю Джексон, – продолжал президент, – так разозлился на Содружество, что вырвал два листа из журналов Сената и Палаты представителей, где каперские свидетельства для этих четырех семейств были санкционированы конгрессом. Я видел оба журнала. В каждом рваные корешки.

– И поэтому вы не можете аннулировать эти свидетельства? – спросила Кассиопея.

Малоун знал ответ.

– Раз в журналах конгресса нет записи об одобрении этих свидетельств, значит, нет юридического права утверждать, что с ними нужно считаться. Президент не имеет права подписывать каперские свидетельства, если их не одобрит конгресс, и нигде нет записи о том, что конгресс одобрил свидетельства членов Содружества.

– Президенты не могут сделать это самостоятельно? – спросила Кассиопея.

Дэниелс покачал головой.

– По конституции нет.

– А если, – заговорил Малоун, – аннулировать каперские свидетельства, это прежде всего будет означать, что они были юридически действительны. И никакое аннулирование не возымеет действия на акты прошлого. Они будут сохранять иммунитет к аннулированию, и как раз этого хочет Содружество.

Дэниелс кивнул.

– В этом и заключается проблема. Классическое «куда ни кинь, всюду клин». Было бы лучше, если б Джексон уничтожил эти два листа. Но обезумевший сукин сын спрятал их. Сам он заявил, что хотел помучить членов Содружества. Дать им подумать кое о чем, кроме убийства президента. Но единственное, чего добился – передал проблему нам.

– Будь у вас эти два листа, – спросила Кассиопея, – что бы вы сделали?

– Это часть того, с чем я поручил разобраться Стефани. С этими возможностями. Я не хочу передавать эту проблему своим преемникам.

– И что произошло? – спросил Малоун.

Дэниелс вздохнул.

– Дело осложнилось. После того как Хейл встретился с Эдвином, у нас проснулось любопытство, и мы начали задавать вопросы. И выяснили, что глава НРА, Андреа Карбонель, связана с Содружеством.

Малоун знал о Карбонель по работе в Магеллановой квартире. Кубино-американка. Суровая. Недоверчивая. С крутым характером. Он понимал, что имел в виду президент.

– Слишком тесно?

– Мы не знаем, – ответил Дэвис. – Это было неожиданное открытие. Оно обеспокоило нас. Нам нужно узнать больше.

– И Стефани вызвалась разобраться с этим, – сказал президент. – На свой страх и риск.

– Почему она? – спросил Малоун.

– Потому что захотела сама. Потому что я ей доверяю. Из-за Содружества НРА не в ладах с остальным разведсообществом. Они хотят упечь пиратов в тюрьму, Карбонель нет. Привлечение другого агентства усугубило бы этот конфликт. Мы со Стефани говорили об

этом на прошлой неделе. Она согласилась, что будет лучше всего взяться за дело самой. И отправилась на встречу с бывшими агентами НРА, которые могли пролить свет на Карбонель и Содружество. Должна была позвонить Эдвину четыре дня назад. Но не позвонила, и мы, к сожалению, не знаем почему. Можно только предполагать, что ее похитили.

Или хуже того, подумал Малоун.

– Нажмите на Карбонель. Займитесь Содружеством.

Дэвис покачал головой.

– Мы не знаем, у них ли она. Против Карбонель нет никаких улик. Она просто будет отрицать все и затаится. Все четверо членов Содружества – уважаемые бизнесмены без судимостей. Если обвинить их в пиратстве, они поднимут шум, и начнется черт знает что.

– Кого это волнует? – спросил Малоун.

– Нас, – ответил Дэниелс. – Мы должны волноваться.

Малоун услышал в голосе президента безысходность.

Но его тревожило другое.

Прошло четыре дня.

Если это так, кто же отправил ему сообщение по электронной почте два дня назад и кто оставил записку в «Гранд-Хайате»?

Глава 20

Бат, Северная Каролина

Хейл наблюдал, как трое коллег обдумывают его предложение относительно поднятия флага. Он знал – они понимают его значение. Во времена былой славы пираты и каперы держались на своей репутации. Хотя насилие определенно представляло собой образ жизни, захватывать трофеи они предпочитали *без* боевых действий. Столкновения обходились дорого во многих смыслах. Были раненые, убитые, повреждения, нанесенные кораблю или, хуже того, добыче. Сражения неизбежно повышали издержки, что снижало доход. К тому же большинство членов команды даже не умело плавать.

Поэтому был создан лучший способ нападений.

Подними флаг.

Обнаружь свою принадлежность и свои намерения.

Если судно сдавалось, его команде сохраняли жизнь. Если сопротивлялось, убивали всех поголовно.

И это действовало.

Репутация пиратов стала жуткой. О жесткостях Джорджа Лоутера, Бартоломью Робертса и Эдварда Лоу ходили рассказы. В конце концов, стало достаточно одного лишь вида «Веселого Роджера». Команды торговых судов, завидя этот флаг, понимали, какой у них выбор.

Сдаться или умереть.

– Нашим бывшим друзьям в разведсообществе, – сказал Хейл, – следует понять, что нас нужно принимать всерьез.

– Они знают, что это мы вели огонь по Дэниелсу, – сказал Когберн. – Квартирмейстер уже доложил. Нас остановило НРА.

– Это вызывает целый ряд неприятных вопросов, – сказал Хейл. – Самый важный – что изменилось? Почему наш последний союзник превратился во врага?

– Это беда, – сказал Болтон.

– Что такое, Эдвард? Еще одно скверное решение обернулось неприятностями?

Он не мог удержаться от этой шпильки. Хейлы и Болтоны всегда недолюбливали друг друга.

– Черт возьми, ты считаешь себя совершенно неуязвимым, – сказал Болтон. – У тебя большие деньги и влияние. Только теперь они не могут спасти ни тебя, ни нас, так ведь?

– Я был негостеприимным хозяином, – сказал он, пропустив оскорбление мимо ушей. – Хочет кто-нибудь выпить?

– Мы не хотим выпивать, – сказал Болтон. – Мы хотим результатов.

– А убийство президента Соединенных Штатов принесло бы их?

– Что ты собираешься делать? – спросил Болтон. – Снова идти с просьбой в Белый дом?

Никогда больше. Ему было оскорбительно сидеть перед главой аппарата после отказа во встрече с глазу на глаз с Дэниелсом. А телефонный звонок через неделю после встречи с Дэвисом был еще более оскорбительным.

– *Правительство США не может санкционировать ваши нарушения закона, – сказал Дэвис.*

– *Каперы не нарушают закон. Мы грабим врагов с благословения правительства.*

– *Двести лет назад, возможно, так и было.*

– *Изменилось не так много. Угрозы по-прежнему имеются. Сейчас их, пожалуй, больше, чем когда бы то ни было. Мы только поддерживаем эту страну. Все усилия Содру-*

жества были направлены против наших врагов. Теперь мы подвергаемся уголовному преследованию?

– Я знаю о вашей проблеме, – сказал Дэвис.

– Тогда вы знаете и нашу дилемму.

– Я знаю, что разведка сыта вами по горло. То, что вы сделали в Дубае, едва не обанкротило весь тот регион.

– Мы сделали это, чтобы привести к краху наших врагов, нанесли удар туда, где они наиболее уязвимы.

– Они нам не враги.

– Это спорный вопрос.

– Мистер Хейл, если бы вы продолжали действовать в том направлении и обанкротили Дубай, что было вполне реально, последствия нарушили бы всю нашу ближневосточную политику. Потеря столь надежного союзника стала бы разрушительной. Там у нас очень мало друзей. Потребовались бы десятилетия, чтобы вернуть такие отношения. То, что вы делали, шло в ущерб всему разумному и логичному.

– Они нам не друзья, и вы это знаете.

– Возможно. Но Дубай нуждается в нас, а мы нуждаемся в нем. Поэтому мы забываем о наших разногласиях и работаем совместно.

– Почему то же самое не относится к нам?

– Откровенно говоря, мистер Хейл, ваше положение не заботит Белый дом ни с какой стороны.

– И напрасно. Первый президент и второй конгресс этой страны дали нам юридическое разрешение действовать, пока наши усилия направлены против врагов.

– Тут есть одна проблема, – заговорил Дэвис. – Юридического основания вашего каперского свидетельства не существует. Даже если бы мы захотели признать его, это оказалось бы невозможным. В протоколах конгресса нет письменных упоминаний об этом. Два листа вырваны, о чем, полагаю, вам хорошо известно. Их местонахождение охраняется шифром Джефферсона. Я читал письмо Эндрю Джексона вашему прапрадеду.

– Могу я предполагать, что, если мы разгадаем этот шифр и найдем отсутствующие листы, президент признает это свидетельство?

– Можете предполагать, что ваше юридическое положение будет гораздо прочнее, чем в настоящее время.

– Джентльмены, – обратился Хейл к остальным. – Я вспомнил историю, которую мне рассказывал дедушка. Британское торговое судно заметило на горизонте корабль, принадлежность и намерения его были неизвестны. Британцы более получаса наблюдали, как оно двигалось в их сторону. Когда судно приблизилось, капитан спросил матросов, будут ли они защищать корабль. «Если это испанцы, – ответили матросы, – мы будем сражаться. А если пираты – нет». Узнав, что это сам Черная Борода, все покинули судно, опасаясь, что их убьют.

Трое не сводили с него глаз.

– Пора поднять флаг. Пусть наши враги поймут, что мы нападаем на них.

– Почему ты так самоуверен? – спросил Когберн. – Что ты сделал?

Хейл улыбнулся.

Чарльз хорошо знал его.

– Может быть, достаточно, чтобы спасти всех нас.

Глава 21

Нью-Йорк

Нокс вошел в «Хемсли парк-лейн», роскошный отель в южном конце Центрального парка. Хотя у него был ключ, он не знал, от какой двери. В этом заключалась проблема с пластиковыми картами. Никаких сведений. Он прошел по вестибюлю к столу портье. Ясноглазая молодая женщина спросила, чем она может помочь ему.

– Скотт Парротт выписывается, – сказал он ей с улыбкой и протянул ключ.

Он надеялся, что Парротт не старался привлекать к себе внимание. Если эта женщина случайно знала Парротта, у него было заготовлено объяснение. *Я оплачу счет. Парротт работает на меня.* Однако женщина, не говоря ни слова, заработала пальцами по компьютерным клавишам и отпечатала счет.

– Уезжаете днем раньше? – спросила она.

Нокс кивнул.

– Необходимость.

Женщина достала из принтера листок и протянула ему. Он сделал вид, что внимательно изучает счет, но сосредоточился только на номере.

– Ах да, – сказал он. – Я забыл кое-что наверху. Сейчас вернусь. Счет оставлю у вас.

Нокс поблагодарил женщину, направился к лифтам и поднялся в пустой кабине на пятый этаж. Там он вставил в замок карточку-ключ и открыл дверь. За дверью находился просторный номер с неприбранной широкой кроватью. Венецианское окно, занимавшее почти всю южную стену, открывало впечатляющий вид на Центральный парк и здания Верхнего Вест-Сайда. Яркие верхушки деревьев предвещали осеннее величие.

Нокс осматривал номер, пока не увидел на письменном столе ноутбук. Подошел и выдернул шнур из стенной розетки.

– Кто вы такой? – послышался женский голос.

Нокс обернулся.

В дверном проеме ванной комнаты стояла женщина. Невысокая, изящная, с прямыми каштановыми волосами, в джинсах и свитере.

В правой руке у нее был револьвер.

– Скотт послал меня за ноутбуком.

– Это все, что вы можете сказать? Или лучше, что смогли придумать без подготовки?

Он пожал плечами, показав ноутбук в руке.

– Лучшее, что смог придумать.

– Где Скотт?

– Теперь это все, что *вы* можете сказать?

– Не знаю, Нокс. С оружием здесь вроде бы я, так что отвечайте.

Только этого ему и не доставало – еще одной проблемы. Мало их было у него сегодня. Но теперь его подозрения подтвердились.

Это западня.

И все-таки он вынужден был пойти на риск.

Женщина вышла в комнату, держа револьвер наведенным на Нокса. Ползла в задний карман, достала сотовый телефон. Нажала кнопку и сказала:

– Наш пират появился.

Час от часу не легче.

Женщина стояла футах в десяти, слишком далеко, чтобы Нокс смог что-то сделать, не получив пулю. Он заметил, что револьвер у нее с глушителем. Очевидно, НРА не хотело

привлекать к ситуации много внимания, что могло оказаться Ноксу на руку. Ему требовалось сделать что-то, притом быстро, так как он не знал, далеко ли находятся ее помощники.

Женщина отбросила телефон.

– Ноутбук, – сказала она. – Бросьте его на кровать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.